

07166 26-1

КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Баширова Илида Басыровна

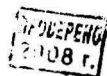
**ТАТАРСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА:
литературная норма, вариативность нормы и
функционально-стилистическая вариативность в
категориях имени существительного
и наклонениях глагола**

10.02.06 – Тюркские языки

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

2000

0716626-1

КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Баширова Илида Басыровна

**ТАТАРСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА:
литературная норма, вариативность нормы и
функционально-стилистическая вариативность в
категориях имени существительного
и наклонениях глагола**

10.02.06 – Тюркские языки

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000055529

Казань – 2000

Работа выполнена в отделе языкознания Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан

Официальные оппоненты: – доктор филологических наук,
профессор Юсупов Ф.Ю.
– доктор филологических наук,
профессор Хакимзянов Ф.С.
– доктор филологических наук,
профессор Чеченов А.А.

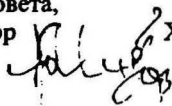
Ведущая организация: Башкирский ИЯЛ Уральского НЦ РАН

Защита диссертации состоится 29 июня 2000 года в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 053.29.04 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при Казанском государственном университете по адресу: 420008, г. Казань, ул. Кремлевская, 18, второй корпус КГУ, ауд. 1112.

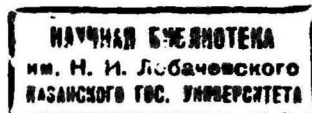
С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета.

Автореферат разослан «24» мая 2000 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук, профессор

Х.Ю. Миннегулов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Известно, что конец XIX – начала XX вв. является особенно сложным периодом в развитии не только национального самосознания, общественно-эстетической мысли, истории, литературы татарского народа¹, но и его литературного языка, так как он являлся переходным этапом «... от старотатарского тюрки к новотатарскому национальному литературному языку»², где тесно переплелись веками продолжающиеся письменно-традиционные нормы классического старотатарского языка и общеразговорные формы татарского народа. Хотя это соотношение разговорного татарского и письменного тюрки, как двух форм старотатарского состояния, было известно с XIII – XIV века³, однако в отличие от других этапов классического старотатарского языка, в изучаемом периоде данное соотношение заметно дифференцируется. Одни просветители все свои произведения писали специально для татарского читателя, и употребляли, в основном, татарско-общеразговорные нормы (К.Насыри, Г.Фаизхан, Г.Ильяси, Я.Емельянов, Ф.Халиди, Г.Камал и др., далее классики-поэты и прозаики татарского народа), другие пользовались и общеразговорными формами не только татар, но и башкир и казахов (А.Уразаев-Кормаши, М.Акмулла и др.), а третьи авторы, как было выявлено при исследовании, отдельные произведения посвящали татарскому читателю и употребляли народно-разговорные формы (публицистика Г.Чокря, романы З.Бигиева, дидактические брошюры Р.Фахрутдинова, повести Ф.Карими, рассказ С.Максуди и др.), а другие произведения те же авторы писали для общетюркского читателя и пользовались, в основном, письменнотрадиционными нормами (рассказ М.Акъегет-заде (Акджигита), публицистика З.Бигиева, публицистика и научные труды Ф.Карими, повести и научные труды Р.Фахрутдинова и др.), на основе взаимодействия которых создавалась своеобразная структурно-функциональная вариативность татарского литературного языка исследуемого этапа⁴.

В указанное время функционировали все стили татарского литературного языка: образно-художественный, политико-публицистический, религиозно-дидактический, научно-познавательный, официально-деловой, эпистоляр-

¹ Татар әдәбияты тарихы. Алты томда. 2 том: XIX йөз татар әдәбияты. – Казан: Тат.кит.нәшр., 1985. – 212 б.

² Фасеев Ф.С. Старотатарская деловая письменность XVIII в. - Казань, 1982. - С. 164.

³ Там же. - С. 29.

⁴ Бәширова И.Б. Әдәби норма һәм вариантлылык (XIX гасыр ахыры – XX йөз башы) / Некоторые итоги и задачи изучения татарского литературного языка. – Казань, 1992. – 59-66 б.

ный - каждый в рамках определенного типа человеческой деятельности. И структура языка, приспосабливаясь к ним, получала ту или иную отметину, соотносенную с этими типами деятельности людей. Так возникла и действовала функционально-стилистическая вариативность нормы.

Таким образом, для исследования основных сущностных признаков, которые определяют природу литературного языка¹ и в отдельных этапах его развития находятся в различной степени взаимозависимости², а именно, литературной нормы, вариативность нормы и функционально-стилистической вариативности татарского литературного языка конца XIX - начала XX века, был представлен богатый фактический материал, никем не исследованный в плане выявления их лингвистических особенностей.

Изучение функционально-стилистических возможностей и субстанциональных значений языковых единиц вообще, и грамматических категорий в частности, основывается на учении о дихотомии языка и речи, которое нашло отражение в трудах знаменитых представителей Женевской, Московской, Казанской, Пражской, Копенгагенской, Американской и др. лингвистических школ³.

В XX веке именно это учение стало основным научным принципом познания системно-структурного и функционально-стилистического исследования языка. Таким образом, «XX век выдвинул на первое место функционирование языковой структуры и ее внутреннюю организацию»⁴.

В данной диссертации этот процесс рассматривается на примере определенного этапа татарского языка, который является одним из представителей тюркской языковой семьи, имеющей многовековую письменную форму и литературную традицию.

Функционирование в речи, т.е. реализация языком в процессе построения речи своей парадигматики и синтагматики - это многосторонняя, по сво-

¹ Тенишев Э.Р. Принципы составления исторических грамматик и истории литературных тюркских языков // Советская тюркология. - Баку, 1988. - С. 76.

² Тенишев Э.Р. Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских памятниках // Советская тюркология. - Баку, 1976, № 1; Закиев М.З. Язык «Кысса- и Юсуф» Кул Гали и этноязыковая ситуация в Волжской Булгарии / Проблемы языка и происхождение волжских татар. - Казань: Тат.кн.изд-во, 1986. - С. 108-119; Хакимзянов Ф.С. Варианты реализации поволжского литературного языка/ Старотатарский литературный язык: исследования и тексты. - Казань, 1991. - С. 28-33; Хаков В.Х. Татар әдәби теле тарихы. - Казан: ун-т нәшр., 1993. - 324 б.; Хисамова Ф.М. Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности (XVII – начало XX вв.): АДД. - Казань, 1995. - С. 57.

³ Виноградов В.В. История лингвистических учений. - М.: Высшая школа, 1978. - С. 8-37.

⁴ Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание. - М.: Просвещение, 1979. - С. 240.

ей сути, проблема, где выделяются структурно-речевые и структурно-языковые и др. аспекты. Кроме того, функционирующая структура тесно контактирует с многочисленными экстралингвистическими факторами, поэтому изучение данной проблемы осложняется всевозможными объективными обстоятельствами и субъективными мнениями. В этом отношении татарский литературный язык конца XIX - начала XX века является особенно сложным объектом научного исследования.

Формирование татарского национального литературного языка на основе общенародной разговорной речи, как известно, было исторической необходимостью, объективно-положительным явлением. За последние сто лет об этом процессе написано достаточно много научных трудов, монографий, статей и т.д. Данное явление оценено «как высшее достижение общественно-культурной жизни народа»¹.

Однако, на фоне современного состояния тюркских языков и их разобщенности, стало ясно, что критика «панисламистов» и «пантюркистов» была актуальна и неизбежна лишь в начальный период борьбы за отдельные национальные языки, «...но довольно близорука, если смотреть на историческое развитие языка и стиля в широком культурно-историческом масштабе»², так как многолетняя (вековая) критика и игнорирование общетюркских корней «стала предпосылкой для отторжения от общего наследия и разъединения друг от друга родственных языков»³, поэтому «...на современном этапе возникла необходимость по-новому объективно, научно осветить историю татарского народа и историю его языка»⁴.

Актуальность избранной темы и ее исследование определяется, во-первых, теми изменениями в обществе, которые привели нас к пониманию необходимости возрождения и расширения сферы применения национальных языков на основе их государственного статуса, что в свою очередь, невоз-

¹ Госманов М. Каһәрлэнгән сүзләр хақына // Социалистик Татарстан. - Казан, 1990. - 27 май.

² Фасеев Ф.С. Старотатарская деловая письменность XVIII в. - Казань, 1982. - С. 35.

³ Әхмәтжанов Р. Тукайга кайтып // Социалистик Татарстан. - Казан. - 1990. - 1 июль.

⁴ Курбатов Х.Р. Тексты - основа к изучению истории литературного языка // Анализ текстов по истории татарского литературного языка. - Казань, 1987. - С. 3-5; Закиев М.З. Введение: Перспектива развития и история национального литературного языка / Формирование татарского литературного языка. - Казань, 1989. - С. 3-11; Хаков В.Х. Татар әдәби тел тарихы һәм этнолингвистика / Некоторые итоги и задачи изучения татарского языка. - Казань, 1992. - С.27; Абдуллин И.А. Әдәби тел тарихын һәм чыганаclar ойрәнүнен төп концепцияләре / Некоторые итоги и задачи изучения татарского литературного языка. - Казань, 1992. - С.4.

можно осуществить без скрупулезного изучения истории их функционирования¹.

Актуальность данной работы обусловлена еще и тем, что объектом исследования является литературный язык, функционирующий во всех своих жанро-стилях: жанры прозы, поэзии и драмы образно-художественного стиля, научных и научно-популярные жанры научно-познавательного стиля, различные виды политико-публицистического, религиозно-дидактического и эпистолярного стилей, роль которых активизируется по мере реализации татарского языка как государственного, и поэтому анализ необходимо проводить объективно вообще, и в плане исправления явных ошибок, которые были допущены в свое время в нашей социалингвистике.

Актуальность исследования с точки зрения тюрко-татарского языкознания заключается в недостаточной разработанности теории литературных языков, в отсутствии «целостного систематического анализа истории какого-либо литературного языка»². И поэтому «создание полных курсов истории татарского литературного языка и исторической грамматики, равно как и успешное решение данных проблем на материале языка в целом и в пределах отдельных его уровней в значительной мере затруднено ограниченностью круга лингвистически аннотированных и квалифицировано изданных научно-критических текстов по всем его стилям и этапам развития»³; данная работа представляет в этом плане интерес как опыт системного описания определенного этапа развития татарского литературного языка.

Признавая и утверждая существование такой системы, исследователь ставит целью раскрытие сути наиболее значимых признаков литературного языка, а именно, преемственности и обработанности литературной нормы (норм), вариативности нормы и функционально-стилистической вариативности татарского литературного языка указанного периода. Последовательное, системное, четкое научное объяснение всех этих вопросов требует от исследователя соблюдения важных принципов стилистики и поэтики, теоретического и прикладного языкознания. Отсюда и конкретные задачи: 1) разработка научно-методических основ выявления, определения и классификации вариативности нормы и функционально-стилистической вариативности в различных жанро-стилевых текстах; 2) исследование форм структурных пара-

¹ Закиев М.З. Введение: Перспектива развития и история национального литературного языка // Формирование татарского литературного языка: Казань, 1989. – С.11.

² Тенишев Э.Р. Принципы составления исторических грамматик и истории литературных тюркских языков // Советская тюркология. - Баку, -1988,-№ 1. - С. 77.

³ Абдуллин И.А. Лингво-текстологическое исследование дореволюционной татарской ленинианы: АКД: - Казань, 1990. - С.1.

дигм и их значений по сути, по природе (субстанциональное понимание значения) в грамматических категориях имени существительного и наклонениях глагола; 3) определение специфики функционирующей структуры грамматических категорий (морфологической синонимичности) имени существительного и наклонений глагола в различных жанро-стилевых текстах; 4) определение изученности соотношения литературной нормы, вариативности нормы в исследуемый период и сравнение их с нормативностью и вариативностью в современном литературном языке, а также в его диалектах.

Научная новизна диссертации. Научную новизну диссертации обуславливает первичная разработка проблемы, актуальность темы. В данной диссертации разработана научно-методическая концепция системного описания основных сущностных признаков татарского литературного языка конца XIX – начала XX века; выявлены функционально-стилистические возможности и субстанциональные значения в категориях имени существительного и наклонениях глагола, тем самым основан системно-комплексный подход в изучении литературного языка, в плане исторической грамматики углублен подход к проблеме дихотомии языка и речи.

Материалом для исследования послужили тексты различных авторов, относящиеся к различным жанро-стилям татарского литературного языка исследуемого периода.

1. Тексты художественного стиля:

а) поэтические: Г.Чокрый, А.Уразаев-Кормаши, М.Акмулла, Дэрдменд, Г.Тукай и др.

б) прозаические: К.Насыри, М.Акджигит, З.Бигиев, Ф.Карими, Р.Фахрутдинов, М.Гафури, Г.Гафуров-Чыгтай, Ш.Мухаммедов, З.Хади, Г.Исхаки, Ф.Амирхан, Г.Ибрагимов, Ш.Камал и др.

— в) драматические: Г.Ильяс, Ф.Халиди, Г.Камал, Г.Исхаки, Ф.Амирхан и др.

г) произведения для детей: К.Насыри, Г.Фаизхан, Т.Яхин, Г.Рахманколы и др.

2. Тексты публицистики разных видов: К.Насыри, З.Бигиев, Р.Фахрутдинов, Ф.Карими, Ф.Амирхан, Г.Исхаки, М.Гафури, Г.Ибрагимов, Г.Тукай и др.

3. Тексты научного стиля:

а) по языкознанию: К.Насыри, Г.Фаизхан, М.Умидбаев, А.Максуди, Г.Ибрагимов, Ф.Амирхан, М.Гафури, Дж.Валиди, Г.Исхаки и др.

б) по истории: Р.Фахрутдинов, Ф.Карими, Ш.Тукаев, Х.Атласи и др.

в) по литературоведению: Г.Ибрагимов, Ф.Амирхан, Г.Сагди и др.

4. Тексты эпистолярного стиля: С.Кукляшев, К.Баширов и др.

Научно-теоретическое значение изучения татарского национального литературного языка определенного этапа, в данном случае конца XIX – начала XX века, заключается, прежде всего в том, что исследовательский материал, представляющий собой огромное языковое и стилистическое богатство, впервые изучается как функционирующая структура, внутри которой постепенно определилась языковая норма (в категориях числа и принадлежности функционировала языковая норма двух неродственных систем: тюрко-татарского и арабо-персидского, в категории падежа и в наклонениях глагола – языковая норма характерная для отдельных групп родственных языков: для языков огузских групп и для языков кыпчакских групп). А также вариативность нормы в зависимости от того, к какому уровню языка она относится, классифицируется как графофонетические, графоморфонологические, морфологические и синтаксические. Выявлена и зафиксирована функционально-стилистическая вариативность. Таким образом, объективно характеризуется природа литературного языка конца XIX – начала XX века в плане исторической грамматики, разрабатывается научно-методическая концепция системного описания отдельных сущностных признаков татарского этноязыка. На основе обобщения функционально-стилистических возможностей в категориях имени существительного и наклонениях глагола представляются и их субстанциональные значения на изучаемом этапе, тем самым разработана методология, которая открывает перспективу для исследования грамматических категорий других тюркских литературных языков.

Методология как совокупность конкретных методов исследования общественных наук, в том числе и языкознания, не может развиваться независимо от философии. Диалектический материализм и его теория познания позволяют увидеть реальные соотношения между тем, что познается и тем, что формируется в процессе познания¹.

При исследовании национального литературного языка и его стилей, т.е. его сущностных признаков, определяющих его природу, далее языка художественной литературы, языка научной литературы, языка публицистических статей, языка официальных бумаг и т.д., принцип познания основывается, с одной стороны, *на понимании* реальности, объективности самого языка в его сложном целом, где единицы одного автономного механизма (уровня) участвуют в построении другого и вариативно воспроизводятся в единицах более сложного, сохраняя свою внутреннюю целостность; а с другой стороны – *на признании* социальной сущности языка, социальной его функционирующей структуры, на возможности его дифференциации по территории (диалекты), по способу материального воплощения речи (устная и письменная речь), по

¹ Березин Ф.М., Головин Б.М. Общее языкознание. - М.: Просвещение, 1979. – С. 308.

типам деятельности социального коллектива, по социальным слоям населения, по жанрам, типам и авторам словесных произведений и т.д., на понимании устойчивости и изменчивости языка, т.е. с учетом изменения языковой структуры и функции языка во времени, взаимной связи синхронии и диахронии их закономерной взаимозависимости и т.д.

В соответствии с характером изучаемого материала в процессе исследования были использованы различные конкретные методы и приемы: общелингвистический *описательный метод*, т.е. тщательное описание языка каждого отдельного текста на уровне графофонетики, графоморфологии и морфологии при одновременном сохранении хронологического принципа. *Историко-сравнительный метод* был использован при сравнении отдельных исторических этапов развития татарского литературного языка между собой; *сравнительно-исторический метод* дал возможность сравнить родственные тюркские языки в исследуемом ключе; *сравнительно-типологический метод* дал возможность выявить схожие, общие признаки, специфические особенности неродственных (арабского, персидского и татарского) языков; *функционально-стилистический метод* был использован при выявлении специфики функционирования одних и тех же языковых единиц в различных жанро-стилевых текстах. При анализе текстов широко используется также структурно-феноменологический подход, т.е. текст изучается как самодостаточная структура или система речевых единиц, где языковые единицы получают дополнительные временные признаки (выбор, повторение, комбинирование и др.), посредством которых единицы и категории языковой системы реализуются на фоне определенной совокупности экстралингвистических факторов.

Практическое значение работы определяется тем, что она станет составной частью всеобщей картины истории татарского литературного языка и исторической грамматики. Результаты исследования успешно применяются при вузовском преподавании, в учебниках и спецкурсах по данной тематике. Методы исследования могут быть использованы при изучении литературного языка других тюркских народов.

Апробация диссертации. Тема диссертации связана с одним из основных направлений научных исследований, проводимых в Институте языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Татарстана. Результаты этих изысканий многократно докладывались и обсуждались на ежегодных итоговых научных конференциях ИЯЛИ, Казанского государственного университета, Татарского государственного гуманитарного института. Ряд положений нашли отражение в докладах на республиканских, всесоюзных, международных тюркологических конференциях, на съездах учителей и писателей.

Основное содержание и выводы диссертации отражены в 46 из свыше 90 опубликованных работ, среди которых 4 монографии и 42 статьи в коллективных трудах, научных сборниках, во всесоюзных и республиканских журналах и др. На книги и статьи соискателя опубликован ряд положительных рецензий.

Апробация основных теоретических положений и методических приемов осуществлялась во время преподавания лекционных курсов «Общее языкознание» и «Основы стилистики и культуры речи» и при проведении спецсеминаров «Литературный язык конца XIX – начала XX века», «Лингвистическая терминология татарского литературного языка» в КГУ, ТГТИ и Национальном социально-экономическом институте.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснован выбор темы и ее актуальность: научная новизна, научно-теоретическое и практическое значение; определены цели и задачи, предмет, методология и методы исследования; проанализированы природа, функции, источники татарского литературного языка конца XIX – начала XX века и освещена степень изученности проблемы.

Известно, что наряду с сопоставительным изучением с русским (С.Хальфин и др.), с началом изучения в структурном плане (К.Насыри, Г.Фаизхан и др.), в середине XIX века татарский язык одним из первых среди тюркских языков начинает изучаться и в аспекте употребления (М.Иванов, С.Куляшев, К.Насыри, Н.Ф.Катанов и др.)¹.

В трудах этих ученых подчеркивается наличие в татарском языке книжно-письменной и народно-разговорной формы и возможность разделения письменных текстов на простые, деловые и ученые «языки»; отмечается, что каждая наука имеет свою терминологию, а художественная литература должна быть понятной широким слоям читателей; что отличие текста, написанного с арабо-персидскими заимствованными словами от текста, написанного без них, можно назвать термином стиль и на этой основе определять высокий, средний и народный стили.

В научном плане были доказаны (К.Насыри, 1895) и официально определены (Уфа, 1899) фонетические особенности, присущие татарскому языку.

¹ Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. – Л.: Наука, 1982. – 360 с.

В практическом плане во многих жанро-стилях продолжала соблюдаться установленная традиция письма: на всех уровнях языка (фонетика, морфология, лексика) наблюдалась вариативность норм.

С приобретением возможности издания газет и журналов нужно было определиться «писать на каком языке?» (Нур, 1995, № 4). Под термином язык подразумевались варианты классического старотатарского языка, называемые: а) төрки әдәби тел – тюркский литературный язык, б) жәдиди-госманлы — джадидо-османский вариант, в) гавами тел — вариант письменного языка, который был обогащен общенародно-разговорными формами (Нур. – 1905. - № 4-13, 1906. - № 67 и др.).

Дискуссия, начавшаяся в газетах Нур, Йолдыз, Ахбар и др., продолжалась в журналах Шура, Ан и др.

В ходе полемики поднимались такие вопросы: как отразить на письме произношение татарского языка, каким языком (вариантом) писать газетные статьи, научные труды, официальные документы, художественную литературу и, вообще, как называть сам народ и его язык и т.д. Таким образом, поднимались и требовали ответов основные теоретические и практические вопросы татарского национального литературного языка. В это же время татарский язык продолжает изучаться и в сопоставительном, и в структурном плане, расширяется издательская деятельность, издается многочисленная литература всех жанро-стилей, написанная на трех вариантах литературного языка, однако более или менее приближенного к общенародному разговорному языку. Входит в оборот термин урта лисан – средний язык (Нур, 1906, №67).

В 1913 году умер Г.Тукай. Вскоре перестали печататься многие газеты и журналы: Тәржеман (1883-1918), Нур (1905-1914), Вақыт (1906-1917), Йолдыз (1906-1918), Шура (1908-1917), Ялт-Йолт (1910-1918), Ак юл (1913-1916), Мәктәп (1913-1914), Сәембикә (1913-1918), Тормыш (1913-1918) и т.д.

В 1920-1929 годы татарский язык и по специальному указу (1921.25.06) и по фактическому статусу функционирует как государственный язык. «Расширение функций татарского языка, как по регионам, так и по сферам, привело к тому, что татарский литературный язык был поднят до уровня структурного совершенства: устанавливаются его твердые орфоэпические, фонетические, лексические, морфологические, синтаксические и стилистические литературные нормы»¹.

В начале 30 годов исследование национальных языков опирается на теорию слияния всех наций в одну, с единой культурой и с единым всемирным

¹ Закиев М.З. Введение: Основные периоды функционального развития татарского национального языка / Функциональное развитие татарского языка в условиях перестройки. – Казань, 1991. – С. 7.

языком, широко распространяется понятие новый литературный язык, который определяется как язык пролетариата. Предыдущие этапы развития языка объявляются буржуазными, тем самым, в теоретическом плане отвергается историческое развитие, преемственность литературного языка, а в практическом плане начинается чистка его от арабо-персидских заимствований и письменно-традиционных общетюркских форм, которая вела к уничтожению структурных вариантов языка, а с заменой общей графики происходит полное отторжение от общего наследия и разъединение родственных языков друг от друга.

В начале 50 годов литературный язык начинает изучаться на основе совершенно новой теории. Общенациональный литературный язык понимается теперь не как язык определенного класса, не как язык ученых, культурных людей, а как язык понятный всему народу, обработанный, отшлифованный, зафиксированный в письменных текстах, который может базироваться только на одном определенном диалекте. На основе этой теории начинается чистка литературного языка от регионально-диалектных форм, не зафиксированных в литературе, и поэтому считающихся непонятными для всего народа. В итоге литературный язык отрывается от своих структурно-функциональных вариантов и отождествляется со своим единственным из существенных признаков, а именно, с литературно-языковой нормой.

В конце 50 – начало 60 гг. начинается восстановление истории татарского литературного языка трудами Ш.Рамазанова, Л.Залая, В.Хангилдина, М.Закиева, В.Хакова, М.Усманова, Х.Курбатов, Л.Махмутовой, Ф.Фасеева, А.Каримуллина, Г.Саттарова, Ф.Ганиева, Р.Ахметзянова, М.Мухамадиева, И.Абдуллина и др. В последнее время особенно усилилось внимание к изучению истории татарского литературного языка¹.

Как известно, норма литературного языка – категория сложная: с одной стороны она, как и весь язык, социальна, структурна, исторически подвижна, а с другой стороны, в процессе функционирования, согласно общественно-социальным потребностям, она должна быть устойчива и стабильна, обеспечивая тем самым стабильность речевого применения. Поэтому данная сторона нормы получает кодификацию, т.е. составляются словари, справочные пособия, пишутся нормативные грамматики, и, следовательно, языковая норма защищается обществом, государством.

Литературный язык не может быть весь нормативным, потому что языковая норма, как и весь язык, находится в непрерывном развитии, значит, наряду с устоявшимися, нормативными или уже отжившими формами сосуще-

¹ Хисамова Ф.М. Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности (XVII – начало XIX вв.): АДД. – Казань, 1995. – С. 3.

ствуют и новые, еще не нормированные. С литературным языком взаимодействует также общий разговорный язык народа и местные диалекты, т.е. ненормированные системы, а также выполняют свои функции и функциональные стили, на основе которых всегда образуются варианты нормы и функционально-стилистическая вариативность.

Таким образом, понятие вариативности является сущностным признаком литературного языка и, значит, становится объектом исследования.

Первая глава, посвященная системному исследованию грамматических категорий имени существительного как функционирующей структуры, состоит из трех разделов, отведенных категории числа, категории принадлежности и категории падежа, которые изучаются в аспекте а) функционирования в различных жанро-стилевых текстах, написанных в конце XIX – начала XX вв. и б) в плане выявления субстанциональных значений данных категорий, т.е. в плане определения основных сущностных признаков литературного языка изучаемого периода, а именно литературной нормы, вариативности нормы и функционально-стилистической вариативности. Особое внимание уделяется их описанию, как с точки зрения плана выражения (написания), так и плана содержания (значения), а также прослеживается их степень изученности.

Категория числа, указывающая на единичность и на неопределенное множество предметов, в текстах конца XIX – начала XX вв., в качестве литературной нормы были приняты формы:

а) тюрко-татарского языка, где единственное число выражается нулевым показателем, а множественное число оформляется аффиксом *-лар, -ләр*;

б) арабского и персидского языков, где единственное число выступает в нулевой форме, двойственное число оформляется аффиксами *-ан, -айин*, а «целостное» множество с аффиксами *-ат, -ун, -ин, -ийат (-ият)*, а «разбитое» или «ломаное» множество выражалось изменением гласных в корне слов: *шәхес-әшхас, фикер-әфкяр, халь-әхваль* и др.¹

Исследование данных показывает, что в литературной норме наблюдались следующие виды вариативности:

- 1) графофонетическая: написание аффикса множественного числа с алифом , *ﻻ* -лар и без алифа *ﻻ* -ләр;
- 2) графоморфологическая:

¹ Мәхмүтов М.И. Татар әдәби теленә кәргән гарәп-фарсы элементлары / Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге. - Казан: Тат.кит.нәшр., 1965. - 814-817 б.

а) употребление различных семантических разрядов имени существительного (конкретно-считаемые, собирательные, отвлеченные, вещественные, собственные, парные и др.) и в ед. и во мн. числе;

б) употребление некоторых арабо-персидских заимствований мн. числа и с одновременным присоединением аффикса -лар;

в) выражение показателем -лар, кроме значения неединичности, и других значений: сортов, видов, совокупного множества предметов, приближительности и т.д., а также эмоционально-экспрессивных оттенков;

3) синтаксическая: выражение идеи единственного и множественного числа аналитическим способом, когда при именах существительных выступают количественные числительные, указательные местоимения: *ошбу, бу, шул, ул*, или такие слова как: *ялгыз, күп, чук, сансыз, жәмләсе гөрүһ, катра-катра, берничә, һәрничә* и т.д.

Исходя из своей цели, сохраняя требования определенных жанров и стилей литературного языка своего времени, каждый автор выбирал и употреблял тот или иной вариант, таким образом, этот вариант становился элементом определенного типа речи, создавая функционально-стилистическую вариативность.

В диссертации подробно анализируются особенности функционирования, степень и принципы изученности в начале XX века всех этих возможностей.

Авторы грамматик, составленных в период с конца XIX до 10-х гг. XX вв. на татарском языке, по-разному объясняли правописание аффикса -лар. Г. Фаизхан отмечает, что множественное число (*жәмгә*) образуется прибавлением аффикса *ﻻ* - , для примера берутся слова *китаблар, дәфтәрләр* и др. – все они написаны в одном – без алифном варианте¹. Такое же написание, с незначительными исключениями, автор сохраняет во всех своих сочинениях².

К.Насыри четко определяет, что по правилам татарского языка аффикс множественного числа должен быть только в двух вариантах: для имен существительных и глаголов твердого произношения с алифом *ﻻ* - , а для

¹ Фаизхан Г. Татар телигә кыскача гыйльме сарыф. – Казан: ун-т тип., 1887. – 32 б.

² Фаизхан Г. Тутыйнама китабы. – Казан: типо- лито-фия насл. М.Чирковий, 1887. – 142 б.; Хикәят вә мәкаләт. – Казан: ун-т тип., 1889. – 31 б.; Тарих шәһәрә төрек. – Казан: ун-т тип., 1891. – 226 б.

мягкого произношения – без алифа ج ¹. В своих текстах различных жанров и стилей почти без исключения придерживался этого принципа².

В научном плане и в первой конференции, посвященной тюрко-татарским языкам³, и в грамматике М.Умидбаева повторяется предложение К.Насыри⁴, а в грамматике Г.Ибрагимова подчеркивается правильность без алифного написания⁵, а в практическом плане, во всех жанро-стилях исследуемого периода наблюдается нерегулярное написание аффикса –лар, –ләр с преобладанием безалифного варианта.

Четырехвариативное написание аффикса множественности в татарском языке (-лар, -ләр, -нар, -нәр) было зафиксировано в грамматике Г.Алпарова⁶.

Известно, что в текстах, написанных в конце XIX – начала XX века, как законные варианты татарского литературного языка своего времени употреблялись арабо-персидские заимствования, единственное, двойственное и множественное числа которых строились по законам языка-источника. Однако имена существительные «ломаного» множества и множественное число с аффиксом –ат могли употребляться с показателем –лар: ... *тәмле-тәмле хикәятләре риваять кыйлчулар* (К.Насыри), ... *булларның батынни әфкарларене белмәб* (М.Акджигит), ... *жәмәгатьләренң тыгыз-тыгыз ултырулары* (З.Бигиев) и т.д.

В использовании тюрко-татарских слов и арабско-персидских заимствований сложилась функционально-стилистическая вариативность, так как разные авторы, исходя из своих целей, в основном, в зависимости от адресата произведения, или по требованию отдельных жанро-стилей, отбирали и повторяли их в количественном отношении по-разному.

¹ Насыри К. Әнмүзәж. – Казан: ун-т тип., 1895. – 46 б.

² Насыри К. Әхләк рисаләсе. – Казан: ун-т тип., 1881. – 32 с.; Әбүғалисина кыйссасы. – Казан: ун-т тип., 1881. – 112 б.; Фәвакиһел желәса фил әдәбият. – Казан: ун-т тип., 1884. – 615 б.; Истыйлахате жәғрафия. – Казан: ун-т тип., 1890. – 74 б.; Тәрбия китабы. – Казан: ун-т тип., 1891. – 32 б.; Кавагыйде китабәт. – Казан: ун-т тип., 1892. – 24 б.; Мәнафигъ әғза вә кануны сыйхәт. – Казан: ун-т тип., 1893. – 31 с. и т.д.

³ Протокол был написан Фатихом Карими и напечатан в сборнике Ф.Карими-Анданбундан. – Оренбург: Вакъ, 1907.

⁴ Өметбаев М. Татар нәхүсенң мохтәсаре. – Казан: тип. Б.Л.Домбровского, 1901. – 8 б.

⁵ Ибраһимов Г. Татар сарфы. – Казан: лито-тип-ия И.Н. Харитонова, 1913.

⁶ Алпаров Г. Шәкли нигездә татар грамматикасы (Телебезне гыйльми тикшерү юлында бер тәҗрибә). – Казан: Татарстан дәүләт нәшр., 1926. – 164 с.; Алпаров Г. Шәкли нигездә татар грамматикасы (Телебезне гыйльми тикшерү юлында бер тәҗрибә) / Алпаров Г. Сайланма хезмәтләр (Татар грамматикасы һәм гомуми тел белеме мәсьәләләре) – Казан: Таттосиздат, 1945. – 21-45 с.

В различных жанро-стилевых текстах, написанных в конце XIX – начала XX века, общее значение категории числа и различное его выражение в различных разрядах имени существительного, в основном, соответствует нормам современного татарского языка¹, однако наблюдаются и некоторые особенности, которые были выявлены нами в ходе исследования.

Так в отличие от современного литературного языка, в исследуемый период, до творчества писателей-классиков, нет четкого выражения раздельного множества совокупных единиц при употреблении во мн. числе собирательных существительных, поэтому они свободно употребляются и в ед. числе, и во мн. числе в одном и том же контексте: ...*Бу мал барчасы минем малымдыр. ... бу маллар барчасы синең малыңдыр* (К.Насыри). *Бу гаскәрләр, ... күзләре күркып базалмадылар. ...Зирә ки гаскәрнең Таһирдан күзләре күркып иде. ... Гаскәрләр Таһирны тотмак булдылар* (А.Уразаев-Кормаши). *Чук халык карт менланың сүзенә шәригать сүзе кебек инаныр иде. ... Чук халыклары башка шәһәрләре ... эш вә тижәрәт өчен дә агылырлары* (М.Акджигит). ...*Бу тарыйка җәмагать һаман зиядәләnmәктәдер ... җәмагатьләрнең ибтидан җәмгы кылына башлауларындан берничә сәгать кичдекдән соңра, ... (З.Бигиев). Олугь бүлемендә рус халыклары тереклек итмәктәдерләр. ...бу күп халыкның арасында ...* (Ф.Кәrimi) и т.д.

В произведениях писателей-классиков собирательные имена, выражающие разделительное множество, употребляются, в большинстве случаев, в ед. числе: ...*безнең халык, гыйлемгә карамый, нәселенә карый. ...безнең халыкта бер дә шәфәкатъ юк шул* (Г.Исхакый). ...*скрипкасы белән халык алдына чыкты. ...бөтен халык үлдә* (Ф.Амирхан). Совокупность отдельных лиц или предметов выражается конкретно-считаемыми именами существительными: ...*җәмгыятьтәге кешеләрнең бәгъзеләре, ...җыелган кешеләр арасында ...* (Ф.Амирхан) и др.

В художественных текстах писателей-просветителей исследуемого периода существительные с нулевой формой и с аффиксом –лар, выражающие считаемые предметы, систематически употребляются или в одном предложении, или в узком контексте, образуя тем самым определенный штамп в повествовании произведения: ...*йәнә адәм күндереп, йаңадан тикшереп карадылар. ...һәр тарафка адәмләр күндереп, Әбүгалисинаны аэләмәгә башладылар* (К.Насыри). *Казан мәсәфирханәләрендән бер олугь вә мөгътәбәр мәсәфирханә янына күп адәмләр җәмгы улмышлар. ...Казан мәдрәсәләре бөөк вә олугь мәдрәсәләрдәр* (З.Бигиев). *Бала укытырга*

¹ Татарская грамматика. Том II. Морфология. – Казань: Тат.кн.изд., 1993. – С. 37-41.

өйрәнмәдең. ...мәктәптә тәрбия итеп балалар укыта белүнең бик чук шартлары бар (Ф.Карими) и т.д.

Известно, что писатели-просветители при повествовании пользовались традиционными словосочетаниями, соединенными с союзом *вә*, в этом случае аффикс *-лар* присоединялся или к каждому слову по отдельности, или к одному – последнему из пары: *патиша вә бәкләр, вәзирләр вә бәкләр, ...сөнбел вә рәйхан агачлары* (К.Насыри). *...яшь балалар вә зиннәт йекетләр өчен мәшгуль булырга мотлак берәр нәрсә кирәк* (Ф.Карими). Этот штамп широко использовался и в текстах научных, публицистических произведений, в текстах писем, а также в сборниках, составленных для детей. В произведениях некоторых писателей-классиков словосочетания с союзом *вә* продолжают употребляться (Г.Ибрагимов, Ш.Камал, Ф.Амирхан), а у других – не наблюдаются (Г.Исхаки).

В текстах, написанных в конце XIX – начала XX вв., употреблялись и словосочетания, передающие значение единственного или множественного числа аналитическим способом. В отличие от современного татарского литературного языка, синонимия слов, выражающих идею числа (единственного и множественного), была больше, богаче, потому что употреблялись и традиционно-письменные общетюркские, и общеразговорно-татарские слова (*ошбу, нәчә, һәрнәчә, бер¹, ягыз, сансыз, төркем, чук, күп, барча, мең төрле* и др.), а также и арабо-персидские заимствования (*әхәд, җәмләсе, җәмгә, әксәре, гөрүһ, катрә, тараф-тараф* и др.). Каждый автор осуществлял избирательный подход ко всему многообразию этих слов, т.е. выбирал подходящие слова, чтобы быть понятным адресату и трансформировал их, чтобы они соответствовали стилю повествования.

Авторы, которые специально ставили цель быть понятным татарским читателем и переводили с этой целью рассказы-кыйсса с арабского и турецкого языков (К.Насыри, А.Уразаев-Кормаш, Г.Фаизхан, Ф.Халиди и др.), писали путевые заметки по просьбе односельчан (Г.Чокрый), знакомили их с религиозными и общежитейскими требованиями (Р.Фахрутдинов и др.), специально для них писали художественные произведения: драмы (Г.Ильяси, Ф.Халиди, Г.Камал, Г.Исхаки и др.), стихотворения (Акмулла и др.), рассказы и повести (Ф.Карими, Г.Исхаки, Ф.Амирхан, Г.Ибрагимов, Ш.Камал, М.Гафури и др.), составляли сборники для детей (В.Радлов, Т.Яхин, Г.Рахманколы), состав-

¹ Числительное *бер* употреблялось с различными смысловыми оттенками: как неопределенный артикль, подчеркивая постоянный признак объекта или субъекта, приблизительность, ограничения чего-либо, как синоним отрицательной частицы *һич* и т.д. Об этом: Курбатов Х.Р. Татарская лингвистическая стилистика и поэтика. – М.: Наука, 1978. – С. 101-102.

ляли инструкции официально-деловых бумаг (Р.Фахрутдинов и др.), формы-штампы личных писем (К.Баширов и др.) – все они выбирали, в основном, общепонятные слова и в количественном отношении употребляли их больше в своих текстах: *нычә йегетләр бардыр – хатын сәбәбендән хак тагалә каршында йөзләре кара булды. ...күп бахышлар биреп йибәрде, күп бүләкләр хәзерләде* (К.Насыри). *Бу кадәр хәкимләргә вә табибларга сансыз алтын сарыф кыйлыб, ...* (А.Уразаев-Кормаши) и т.д.

А те писатели-просветители, которые хотели быть поняты общетюркским читателем, выбирали и многократно использовали общетюркские традиционно-письменные формы: *чук халык, чук адәм, чук вакыт* (М.Акджигит), *жәмлә хатынлар, жәмлә әшья вә йортлары, жәмлә игътибарлы затлар* (Р.Фахрутдинов) и т.д.

Вместе с тем, в отличие от предыдущих этапов классического старотатарского языка, в конце XIX – начале XX вв. при употреблении норм литературного языка происходит своеобразная дифференциация: одни и те же писатели-просветители, некоторые свои произведения посвящают специально татарскому читателю (религиозно-дидактические брошюры Р.Фахрутдинова, романы З.Бигиева, повести Ф.Карими, рассказ Г.Гафурова-Чыгтая), а другие свои произведения те же авторы пишут для общетюркского читателя (поэзия Г.Чокрия, художественные произведения, научные труды и публицистика Р.Фахрутдинова, научные труды, некоторые публицистические статьи и особенно путевые заметки (сәяхәтнамәләр) Ф.Карими, научные труды Г.Гафурова-Чыгтай) и т.д.

• Начинаящие молодые авторы (Г.Тукай, Дәрдемәнд, Ф.Амирхан, Ш.Камал, Г.Ибрагимов и др., исключение Г.Исхаки и М.Гафури), с одной стороны, видимо, старались показать свое знание арабского и персидского языков, которые специально изучали в медресе и хорошо знали, а с другой стороны, придерживаясь традиций старотатарского языка свободно употребляли основные его структурные варианты: общетюркские традиционно-письменные формы и арабо-персидские заимствования¹.

Как показывают многочисленные примеры, отдельные слова не только отбирались для употребления, но и в зависимости от стиля повествования своеобразно трансформировались, частично преобразуя свои значения и формы².

¹ Рамазанов Ш. Татар теле буюнча очерклар. – Казан: Тат.кн.изд-во, 1954. – 154 б.

² Баширова И.Б. Сәнгатьлә чәчмә әсәрләр теле: Татар прозасында хикәяләү стильләренән үсешә һәм аныч әсәр теленә тәэсире. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1979. – 96 б.

Аналитические словосочетания, выражающие идею числа, как и в современном татарском литературном языке, употреблялись и без морфологического показателя множественности и с аффиксом *-лар*.

При употреблении во множественном числе такие словосочетания, так же как и имена существительные, обозначающие считаемые предметы, имена вещественные, отвлеченные, парные, собственные, кроме своих основных значений (обозначение сортов, видов, совокупного множества вещей, раздельного множества предметов, конкретные проявления признаков, качеств, состояний, процессов, осмысления лица как типичного представителя целой группы лиц с определенными качествами и др.) выражали, особенно в текстах художественных произведений, эмоционально-экспрессивные оттенки, подчеркивая то или иное отношение автора к изображаемому объекту.

Возможность обозначения эмоциональной экспрессии посредством аффикса *-лар* особенно широко употреблялись в поэзии:

*Иң элек йортлары бик саф, икенче ирләре бик саф,
Өченче жырлары бик саф, әмерләре назар саздыр*
(Г.Чокрый)

...Бар күнелләрдән дә жылы, йомшак синең кабрең ташы...
(Г.Тукай)

*...Саклар өчен зифа буен яман күздән,
Чәккәйләрен аяк белән тиң яраткан ...*

(Дәрдменд) и т.д.

В текстах утилитарных жанро-стилей данное свойство множественного показателя почти не проявляется.

Категория принадлежности, выражающая принадлежность одного лица или предмета другому лицу или предмету, в текстах конца XIX – начала XX вв., также как и категория числа, функционировала в формах, которые являлись литературной нормой: а) в тюркских языках, в том числе и татарском, б) в арабском и персидском языках.

Категория принадлежности в тюркских языках, в том числе и в татарском, оформлялась тремя способами: синтетическим, аналитико-синтетическим и аналитическим¹, а в арабском и персидском языках – двумя способами: арабское согласованное определение и персидский *изафет*².

Как выяснилось в результате исследований, данные литературные нормы при употреблении имели следующие виды вариативности:

1) графофонетическая – графоморфологическая:

¹ Татарская грамматика. Том II. Морфология. – Казань: Тат.кн.изд-во, 1993. – С.32.

² Мәхмүтов М.И. Татар әдәби теленә кәргән гарәп-фарсы элементлары / Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге. – Казан: Тат.кит.нәшр., 1965. – 846-848 б.

а) написание аффиксов принадлежности 1 и 2 лица мн. числа: -мыз, -ңыз, -быз, -гыз;

б) сохранение особенностей языкового типа отдельных групп тюркских языков при написании личного местоимения 1 лица ед. числа: *бәнем, мәнем, минем*, а мн. числа – *безем, безнең*, 2 лица ед. числа – *сәнең, синең*, 3 лица мн. числа – *анлар, алар, булар, мунлар, болар*;

в) оформление графемы *н* во 2 и 3 лице ед. и мн. числа, как *نك - نك*, *نك - نك* и др.

2) графоморфологическая выражение значения принадлежности разными способами:

а) в 1, 2, 3 лицах – синтетическим: *балам, балаң, баласы, китабым, китабың, китабы*;

б) оформление принадлежности 3 лица аффиксами: -ы, -сы, -лары, которые, кроме принадлежности, выражали различные другие отношения;

в) присоединение аффикса принадлежности 1, 2, 3 лица к причастным основам: *яздыгым китап, түккәнем күз яшьләре* и др.

3) синтетическая:

а) выражение значения принадлежности в 1 и 2 лице аналитическим способом: *минем бала, синең бала*;

б) в 1, 2, 3 лицах – аналитико-синтетическим: *минем балам, синең балаң, аның баласы*; вместо личного местоимения возможность использования местоимений *үз* и *кәндү* (свой);

в) выражение значения принадлежности тюрко-татарскими изафетными словосочетаниями II и III типа, арабскими согласованными определениями и персидскими изафетными словосочетаниями.

Каждый автор сообразно своим целям выбирал и употреблял тот или иной вариант, который становился элементом определенного типа речи, создавая функционально-стилистическую вариативность.

В диссертации подробно анализируются функционирование и степень изученности всех этих возможностей.

Все авторы грамматик, составленных в период с конца XIX до 10-х гг. XX вв. на татарском языке относили аффиксы категории принадлежности “исходя из семантического сходства к притяжательным местоимениям”¹, хотя и называли их по-разному: *замире изафә* – соединенные к именам (Г. Фаизхан: 14), *замире мөттәсыйлар* – местоимения слитные (К. Насыри: 13), *хужалык замиры* – местоимения принадлежности (М. Өметбаев: 14). Г. Алпаров

¹ Мифтахова И. Г. Развитие грамматической теории в татарском языкознании. Самостоятельные части речи (по татарским грамматикам XIX – начала XX века): АКД. – Казань, 1993. – С. 14.

теоретически доказал наличие этой грамматической категории, назвав ее “япсару белән төрлөнөш” (1926: 74, 1945: 101-102).

Во всех жанрах художественного стиля довольно активно употребляется и выполняет различные функции синтетический способ выражения категории принадлежности. В художественных произведениях К.Насыри аффиксы мн. числа оформляются традиционно – *-мыз* и *-ңыз*, а графема *ң* – знаком *н*, и синтетический способ передачи принадлежности выражает, обычно, уважительно-ласковое обращение автора к своим персонажам или их друг к другу: *И жаным җә рухы рәваным, и карендәшем, и солтаным* (Кырык вәзир), *и падишайым, и шайым, газизем, кунагым* (Әбүҗалисина) и т.д. В текстах поэм-кыйсса А.Уразаева-Кормаши данные формы чаще употребляются в стихотворной части:

*Жан кордашым, онытма, жан юлдашым, онытма,
Бергә йөрөб, бергә үскән, пар моңдашым, онытма...*

Синтетический способ передачи принадлежности нашел широкое применение и в творчестве Г.Чокрый и М.Акмуллы:

Ләбибем диб сөйәр иде атамыз, әдибем дин сөйәр иде анамыз...
(Г.Чокрый)

В произведениях М.Акмуллы отношение какого-либо предмета к 1 лицу (самому автору) и в единственном и во множественном числе выражается аффиксами принадлежности:

*Мәҗлесенә карай гына саугамыз бар...
Кодогына карай гына каугамыз бар...
Базарына карай гына сәүдәмез бар...
...Мәргәнләрни танырлык халәмез бар...
Мондан башка әйтер сүзем тулып ятыр...*

Данная особенность синтетического способа оформления выражения категории принадлежности, а именно возможность выражения отношения какого-либо предмета к 1 лицу (автору) и во мн. числе, активно употребляется и в произведениях писателей-просветителей, где автор ведет повествование от множественного числа: *Хикәйәмези йиңел аңлатмак өчен, ... хикәйәмездә йазылынан затларын...* (М.Ақджигит). *Хикәйәмез бер гажәйеб гүзәл хикәйәдер. Хикәйәмези йахшы аңлатмак өчен, ...* (З.Бигиев). *...без дә бу әсәрәмезне нәшер итмәк улдык* (Р.Фахрутдинов) и т.д.

В текстах этих произведений аффикс принадлежности 1 лица мн. числа выражает отношение определенного лица (персонажа) как бы и к автору, и к читателю: *Фетнәнәң күбе чыкар телемездән,*

Сәлләсе өлкән дигән кешемездән ...

(Акмулла).

Туташымыз, бердән, бу менлаи таныб, һаман нишләйәйз белмәйеб абдыранды вә йүгалды. ... Сатучымыз киндерен сүтеб, ... (М.Акджигит).

Имена существительные с аффиксом принадлежности 1 лица ед. и мн. числа чаще употребляются как обращение автора к своему читателю: *Хәлбуки, укучыларымыз! Ул атасыны һич йадына алмады. ...Н карьясына кайтамыз, хөрмәтле укучыларым! (М.Акджигит). Сөзләре дә, хөрмәтлү укучыларым, Мусаның нәндәләйен адәм идекене белдерәйем (З.Бигиев).* Такое же обращение может быть и без аффикса принадлежности: *Гыйззәтлү укучы! (З.Бигиев)* и т.д.

На начальном этапе своего творчества Г.Тукай и писатели-классики Г.Исхаки, Г.Ибрагимов, Ф.Амирхан, Ш.Камал, М.Гафури продолжают употреблять синтетический способ выражения принадлежности традиционными аффиксами –*мыз*, –*ңыз*, где сохраняется этимологическая логика, то есть после показателей единственного числа –*м* и –*ң* прибавляется древний формант множественности –*з*¹. Позднее в различных жанро-стилевых текстах они начали чередоваться с общеразговорными формами –*быз*, –*гыз*. Если один из этих аффиксов отбирался специально, подчиняясь цели автора, он начинал выполнять стилистическую функцию. Например, в повестях, рассказах и в публицистике Ф.Амирхана чередование этих аффиксов становится показателем отношения автора к своим персонажам: книжно-письменный вариант – это показатель официально-высокого стиля или стилизации, а общенародный вариант – это простота в общении².

В текстах исследуемого периода аффиксы принадлежности 1, 2, 3 лица могли употребляться с присоединением к определению имени существительного – причастным основам, в данной позиции прослеживается активность аффикса 1 лица: *дидекемез гимназист, яздыгымыз җөмлә* и т.д. (М.Акджигит); *бәнем яздыгым сүзләри, яздыгымыз маҗаралардан соңра* (З.Бигиев); *китәчәкемез мәмләкәтләрең харитасына бакдык, ашадыгымыз вакыт* и т.д. (Ф.Карими); *Казанга килдегем йылда, тордыгым мәдрәсә* и т.д. (Р.Фахрутдинов). У Г.Исхаки: *алдыгым бер хат* (Кәләүшче кыз). *Жәнәбеңез тәҗдид итдегем китабым ...Яздыгым романымда* (Бай утлы). В произведениях традиционный формант –*дык* чередуется, затем заменяется общенародным –*ган*: *төшемдә күргәнем артист, очраганым кыз, якганлары костерлар...* (Ф.Амирхан) и т.д.

¹ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988. – С. 10.

² Баширова И.Б. На путях демократизации литературного языка: морфологические категории в произведениях Фатиха Амирхана // Истоки татарского литературного языка. – Казань, 1988. – С. 112-113.

Такое чередование наблюдается и в произведениях Г.Тукая. Например, в стихотворении "Китап": *Рәхмәт әйтәм укыганым шул китапка* (1909); в тексте автобиографии "Исемдә калганлар": *...Уральскига килеп җиткәнәм кадәр кичердегем хәлләр* (1909); или: *Электән белгәнәм хәлдә кешенен ...* (Үкенеч, 1910); *"Халык әдәбияты" намендәге бу рисаләм Казанда "Шәрык клубы"нда ... укыдыгым лекциямнең мазмунындан гыйбарәтдер. ...мисал итеп китергәнәм шигырьләр...* (Халык әдәбияты, 1910) и др. У Дәрдемдә: *Түркәнәм күз яшьләрем җитсен алар тәздибәнә...* У Амирхана: *...төшемдә күргәнәм артист* (Гарәфә кич төшемдә), *очраганым кыз, якганлары костерлар* (Танымаганлыктан таныштык), *тырышып хәзерләнгәне нотыкны басып сөйләде* (Милләт тәрәккый иттерү) и т.д.

В различных жанро-стилевых текстах, написанных в конце XIX – начале XX вв., наряду с синтетическим способом выражения принадлежности, систематически употребляется и аналитико-синтетический способ, когда морфологическая (аффиксальная) форма выражения принадлежности усиливается еще и личными местоимениями *үз* и *кәндү*, которые могли быть и в основном, и в родительном падеже. Варьирование личных и указательных местоимений 1 и 3 лица ед. числа, представленных основой с начальным б- и м-, "...в древности были диалектными формами"¹; а также 1 лицо мн. числа с наличием или отсутствием основообразующего –н- в текстах татарского литературного языка указанного периода становится одним из показателей для различения определенного типа речи. В текстах, написанных для общетюркского читателя, употреблялись, в основном, местоимения, характерные для языков огузской группы: *бәнем, безем, анлар, бунлар* и т.д., а в текстах, написанных для татарского читателя – местоимения характерные для языков кыпчакской группы: *мәнем, минем, алар, монлар, болар* и т.д., хотя имелись в определенной степени и некоторые чередования.

Так же выборочно употреблялись и словосочетания в форме тюркского и персидского изафета и с арабскими согласованными определениями.

Выражение значения принадлежности аналитическим способом начинает свободно употребляться, в основном, в текстах первых драматических произведений: *Әй, син, минем хатынны ник алдың?* (Г.Ильяс). *...минем күлмәк җырттыкны күрмәсенләр* (Ф.Халиди). В драматических и прозаических произведениях Г.Исхаки, с местоимением 1 лица ед. числа образуется аналитико-синтетический способ, а с местоимением 1 лица мн. числа – аналитический способ выражения принадлежности: *...безнең өйдә бик аулак, минем хатынны күргәч ни әйттең. ...минем җәрәгемне*

¹ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988. – С.211.

жандырып. ...безнең болгар йортында, безнең милләт, безнең капка төбе и др. Такое же употребление продолжается и в произведениях Ф.Амирхана, Г.Ибрагимова, Г.Тукая:

...Шундый тын, яхшы һавада безнең утынчы исә, ...

(Шүрәле)

...Монда тудык, монда үстек, мондадыр безнең әсәл ...

(Китмибес) и т.д.

Однако, в творчестве Г.Тукая наблюдаются все способы выражения принадлежности, обусловленные контекстом.

Категория падежа, выражающая в предложении отношение имени к другим словам, в текстах конца XIX – начала XX вв., имела формы, которые являлись литературной нормой для отдельных групп родственных языков, а именно, для языков кыпчакской группы и для языков огузской группы, в отличие от категории числа и принадлежности, где кроме собственных средств языка, функционировали литературные формы неродственных (арабо-персидских) языков.

Согласно результатам исследования, литературные нормы имели следующие графофонетические–графоморфонологические варианты:

а) выражение основного падежа в нулевой форме;

б) употребление имен существительных родительного падежа, склоняемых и в именной, и в посессивно-именной парадигме по кыпчакскому типу с аффиксом نن -нын, по огузскому типу с аффиксами после основ на гласный ن -нн, после основ на согласный -н, где графема -н оформлялась по-разному;

в) употребление имен существительных направительного падежа, склоняемых и в именной, и в посессивно-именной парадигме по кыпчакскому типу с аффиксами ك -гә, كە -кә, قە -га, قا -ка; и огузскому типу с аффиксами после основ на гласный يە -йә после основ на согласный ە - (һаи рәсмия), где графема -г оформлялась по-разному;

г) употребление имен существительных винительного падежа, склоняемых и в именной, и в посессивно-именной парадигме, по кыпчакскому типу с аффиксами نى -ны и огузскому типу после основ на гласный يى -йы, с аффиксами после основ на согласный -ни; в посессивно-именной парадигме 3 лица - ن -н и نى -ны, где аффикс принадлежности оформлялся как ى -и и ۇ -у;

д) употребление имен существительных исходного падежа в трехвариантном написании: с алифом دان -дан, без алифа دن и в форме دين -дин;

г) употребление имен существительных местно-временного падежа в одновариантном написании دە -дә.

Кроме того, к морфологической вариативности относятся и следующие факторы: а) способность каждого падежа выражать, кроме основного своего, несколько других значений; б) возможность употребления формы одного падежа для передачи значения другого падежа; в) способность некоторых словообразовательных суффиксов: *-лы, -сыз, -дагы, -дай* выражать и грамматические значения; г) возможность передачи значения определенного падежа послелогоми, послеложными словами и их взаимозаменяемость: *мулла – мөәзин белән катышкач – муллаларга катышкач* и др.

Синтетическая вариативность возникает тогда, когда категориями падежа оформляются различные синтаксические отношения между словами как в словосочетании, так и в предложении¹.

Преследуя свои цели и соотносясь с требованиями определенных жанров и стилей и литературного языка своего времени, каждый автор выбирал и употреблял тот или иной вариант, таким образом, этот вариант становился элементом определенного типа речи, создавая функционально-стилистическую вариативность.

В диссертации подробно анализируются функционирование и степень изученности всех этих возможностей.

В грамматиках, составленных в период с конца XIX – до 10 гг. XX вв. на татарском языке, отсутствует конкретность при определении сути категории падежа, а следовательно, и единства при установлении падежных форм². Г.Фаизхан указывает на восемь аффиксов – *адәтләр*, ... которые присоединяются к именам и изменяют их значения и называются *игърабам*: *шәкерд, шәкерде, шәкерднөң, шәкердкә, шәкердне, шәкерд белән, шәкерддән, шәкерддә* (1887: 8). К.Насыри рассматривает шесть игърабов-аффиксов склонения: *китаб, агачның, китабны, шәкердкә, каләм белән, мәсҗеддә* (1895, 1975: 65-66). М.Умидбаев считает, что к одушевленным именам прибавляется семь, а к неодушевленным – шесть разных аффиксов, называемых *дөшем*: *исем дөшеме – кул, изафә – кулның, бирү – кулга, булдыру – кулны, чакыру (нида), мәдәд – кул берлән, кулдан, зарф дөшеме – кул хакында* (1901: 9). Он подчеркивает, что *чакыру (нида)* – звательный падеж не принимает аффиксов, а перед именами, выражающими одушевленные предметы ставятся знаки – *әй*, *йә* – *әй ир, йә шәйхем* и др. Г.Алпаров в своей грамматике рассматривает восемь падежей – *киләшләр* (1926: 75-77). Начиная с 40-х годов во всех грамматиках татарского

¹ Татарская грамматика. Том II. Морфология. – Казань: Тат.кн.изд-во, 1993. – С.45.

² Мифтахова И.Г. Развитие грамматической теории в татарском языкознании. Самостоятельные части речи (по татарским грамматикам XIX – начала XX вв.): АКД. - Казань, 1998. – С.14.

языка представлена традиционная шестипадежная система, однако некоторые ученые (М.Закиев, Ф.Ганиев и др.) включают в падежную систему и аффиксы: *-лы, -сыз, -дай, -дагы*¹, а также послесложные конструкции типа *дуслар белән, Ватан өчен, шәм кебек* и т.д., рассматривая их как аналитические падежи².

При изучении категории падежа как функционирующей структуры, и при определении соотношения морфологической формы и грамматического значения, особое внимание уделяется выявлению функционально-стилистических возможностей. Например, в произведениях К.Насыри «Кырык вәзир кыйссасы» основной падеж употребляется во всех своих значениях (обозначает субъект действия, прямой объект, образуя изафетную конструкцию 1 типа), однако особенно активен он здесь в изафетной конструкции 2 типа: *җиһан халкы, арыш һөнәре, гыйшык уты, адам сурәте, әҗәл ястыгы, ахирәт сарае, ана сөте, шәһәр капкасы* и т.д. В тексте «Әбүғалисина кыйссасы» данный падеж чаще употребляется в сочинительных сочетаниях, соединенных союзом *вә*: *гыйлем вә хикмәт вә мәғрифәт артдырмак касды белән, ... күп гыйззәт вә хөрмәтләр күрсәтде, әрафында бүлмәләр вә сөфрәләр вә почмакларында агар чишмәләр вә һәйбәт көтебханәләр бар иде...* и т.д. В текстах научных и научно-дидактических произведений основной падеж чаще всего выступает в функции подлежащего, а сказуемое выражается обычно:

а) именем существительным с аффиксом сказуемости 3 лица ед. числа – *дыр*: *күз – башның алдагы тарафында бер чокырдыр, ... шәмис сизә торган әгъза – борындыр. ...зәүкә әгъзасы йәгъни нәрсәнең тәгъмен белә торган әгъза – телдер* и т.д.;

б) глаголом повелительного наклонения: *...Әй остазы камил, ошбу баланы тәрбия кыйл вә укыт ки, ...ул угърыларга берничә хикмәт кәтимәләрне әйтче. ...И газиз бала, агаһ бул!* и т.д. Как видно из примеров, имя существительное в функции подлежащего при сказуемом, выраженном глаголом повелительного наклонения, обычно становится объектом для обращения самого автора. В дальнейшем такое обращение используется не только применительно к одушевленным, но и к неодушевленным предметам и довольно широкое распространение получает в поэзии А.Уразаева-Кормаши, Г.Чокря, М.Акмуллы, Я.Емельянова, Г.Тукая, Дәрдемнда:

...Тәгәрәп-уйнап буй үскән, туган илем, исән бул!

...Житәр инде, Дәрдемнд, сүзне озайтма ... и т.д.

¹ Закиев М.З. Татарский язык / Языки мира. Тюркские языки. - Бишкек: Кыргызстан, 1997. - С. 367-368.

² Ганиев Ф.А. Вопросы морфологии татарского языка. - Казань, 1980. - 81 с.

М.Акджигит и З.Бигиев в своих произведениях ведут повествование, обращаясь к своему читателю: *Хэлбуки, укучыларымыз, ул атасыны нич ядына алмады... "Н" карьясына кайтамыз, хөрмәтле укучыларым. ...Имде, хөрмәтле укучыларым, бу яланчы венгр Хисамеддин менла иде* (М.Акджигит) и т.д. или у З.Бигиева: *Гыйззәтлү укучы, мәкәтүлә мәслимә улса да, мәселманча язү язмак белмидер иде... Гыйззәтлү укучы, бу ике сәтраниң хикәямезә мәдхәле юк ... яздыгымыз өчен бизәйбә* и т.д. Как видно из примеров, в этих произведениях обращение ставится в позицию вводного слова, не связанного формально-грамматически с другими словами в предложении.

В произведениях писателей-классиков данный штамп не продолжается, потому что изменяется стиль-характер "...диалектического единства эстетического содержания и художественных средств"¹ в повествовании.

В текстах конца XIX – начала XX века выборочное употребление или разночастотное повторение имен существительных родительного (притяжательного), винительного и направительного падежей с оформлением и по огузскому, и по кыпчакскому типам склонения становится одним из основных показателей того варианта татарского литературного языка своего времени, на каком было написано данное произведение.

Писатели-просветители, писавшие все свои произведения специально для татарского читателя (К.Насыри, Г.Фаизхан, Г.Ильяси, Ф.Халиди, Г.Камал, Г.Исхаки, М.Гафури и др.), поэты, которые писали для татар, башкир, казахов (А.Уразаев-Кормаши, М.Акмулла), для татар-кряшен (Я.Емельянов) пользовались вариантом классического старотатарского литературного языка, называемым гавами – народным, т.е. вариантом письменного языка, который был обогащен общеразговорными формами. В связи с этим, они с большой частотностью употребляли и имена существительные указанных падежей по кыпчакскому типу склонения.

А те из просветителей, которые писали отдельные произведения для татарского читателя, а другие – для общетюркского читателя (З.Бигиев, Р.Фахрутдинов, Ф.Карими, Г.Гафуров-Чыгтай и др.), исходя из своей цели, пользовались всеми вариантами (литературно-тюркским, джадидо-османским и народным) литературного языка своего времени, значит, подходили выборочно и к употреблению имени существительного указанных падежей: в одних произведениях пользовались кыпчакскими, а в других – огузскими формами.

Әхмәтйәнов К. Поэтик образлылык (теоретик нигеҙҙәре). – Өфө: Баш. кит. нәшр., 1979. – 40.

Начинающие молодые татарские поэты и писатели, ставшие в дальнейшем классиками всего тюркского мира, как-то Г.Тукай, Дәрдемнәд, Ф.Амирхан, Г.Ибрагимов, Ш.Камал и др., в своих первых стихотворениях, письмах, рассказах свободно пользовались основными принятыми вариантами старотатарского языка: арабо-персидскими заимствованиями и общетюркскими традиционно-письменными формами, в связи с чем употребляли они и глагольные формы огузского типа.

В диссертации на основе многочисленных примеров анализируются и подробно раскрываются формы, семантические содержания и функционально-стилистические возможности каждого падежа по отдельности, а также возможности употребления форм одних падежей для передачи значений других падежей; возможности передачи значения определенного падежа послелогами, послеложными словами и их взаимозаменяемости; возможности некоторых словообразовательных суффиксов (-лы, -сыз, -дагы, -дай) в выражении грамматических значений.

Вторая глава посвящена системному исследованию категории наклонения глагола, как функционирующей структуры и состоит из шести разделов, освещающих соответственно: изъявительное наклонение – хикәя фигыль, повелительное наклонение – боезык фигыль, желательное наклонение – теләк фигыль, сослагательное наклонение – шартлы теләк, наклонение намерения – ният фигыль, каждое из которых изучается в аспекте: а) функционирования в различных жанро-стилевых текстах, написанных в конце XIX – начале XX века и б) выявления субстанциональных значений данных категорий, т.е. в плане определения основных сущностных признаков литературного языка изучаемого периода, а именно литературной нормы, вариативности нормы и функционально-стилистической вариативности. Особое внимание уделяется описанию их как с точки зрения плана выражения (написания), так и плана содержания (значения), а также прослеживается их степень изученности.

Как известно, грамматическая категория наклонения выражает отношение действия, обозначенного глаголом к действительности, с позиции говорящего лица. Каждое наклонение отличается от других своими характерными семантическими особенностями.

Категориальным значением изъявительного наклонения является сообщение о реальных, достоверных действиях, относящихся к прошедшему, настоящему или будущему времени. Эти три аспекта времени выражаются девятью формами в татарском литературном языке¹, а в его диалектах реализу-

¹ Татарская грамматика. Том II. Морфология. - Казань: Тат.кн.изд-во, 1993. – С.99-100.

ются множеством синтетических и аналитических форм¹, которые с различной степенью активности функционировали и в текстах конца XIX – начала XX века, кроме того, в указанное время продолжались употребляться и общетюркские письменно-традиционные формы данного наклонения.

Прошедшее время индикатива имело следующие формы выражения: синтетические -ды, -ган, -мыш, -ыб, аналитические: -ды иде, -ган иде, -мыш иде, -ыб иде, -а (-дыр) иде, -р иде, -йур иде, -а торган иде, -ачак иде, -макда иде, -мак (-лык) иде, -уда иде, -учан иде.

С точки зрения современного состояния татарского литературного языка данные формы являются: а) литературной нормой: -ды, -ган, -ган иде, -а иде, -р иде, -а торган иде, -ачак иде²; б) диалектными формами: -ды иде, -ыб, -ыб иде, -учан иде³; в) формами употребляемыми в стилистических целях или сохраняемыми в некоторых личных именах: -мыш, -мыш иде⁴; г) общетюркские традиционно-письменные формы: -йур иде, -макда иде, -уда иде, -мак (-лык) иде⁵. Таким образом, в изучаемый период употреблялись формы, являющиеся литературной нормой для языков и кыпчакской и огузской групп.

Согласно результатам исследований, литературная норма имела следующие виды вариативности:

1) графофонетические – графоморфологические:

а) наличие гласного ы и оформление его как вау ۋ или его отсутствие при присоединении личных аффиксов 1 и 2 лица ед. и мн. числа к морфеме -ды:

يازدوم - يازدوق - يازدق

б) оформление показателя 1 лица мн. числа в словах с переднеязычными гласными в основе с заднеязычным – к:

بيردك

в словах с заднеязычными гласными в основе – с глубокозаднеязычным – к:

بولدق

в) различное написание графемы ң и г в аффиксах 2 лица ед. и мн. числа,

г) четырехвариантное написание аффикса –ган;

д) взаимозаменяемость графем ч и ж в аффиксе -ачак, -ажак;

¹ Юсупов Ф.Ю. Изучение татарского глагола. - Казань: Тат.кн.изд-во, 1986. - С.10-18.

² Татарская грамматика. Том II. Морфология. - Казань: Тат.кн.изд-во, 1993. - С.106-121.

³ Юсупов Ф.Ю. Изучение татарского глагола. - Казань: Тат.кн.изд-во, 1986. - С.128, 160, 183.

⁴ Абдуллина Р.С. Развитие значений и стилистические особенности временных форм татарского глагола: АКД. - Казань, 1988. - 18 с.; Саттаров Г.Ф. Антропотопонимия Татарской АССР: АДД. - Казань, 1975.

⁵ Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. - М.: Наука, 1965. - С. 140, 151.

2) морфологические: а) употребление всех форм прошедшего плана в их основных парадигматических значениях, б) не изменяя темпоральности форм употребления их в контекстуально-синтагматических значениях, в) употребление всех форм в контекстуально-переносном значении, нейтрализуя временную сему, г) употребление форм других наклонений в функции прошедшего плана изъявительного наклонения;

3) синтаксическая: усиление или конкретизирование лексическими средствами выражения действия, происходившего до момента речи.

Исходя из целей требований определенных жанро-стилей и характера повествования художественного произведения, каждый автор выбирал и употреблял тот или иной вариант, таким образом, этот вариант становился элементом определенного типа речи, создавая функционально-стилистическую вариативность.

В диссертации подробно анализируются функционирование и степень изученности всех этих возможностей.

В татарских грамматиках конца XIX – 10 гг. XX вв., в основном, правильно определяются и названия, и форма, и семантика *прошедшего времени на -ды*. Например, в грамматике Г.Фаизхана этот глагол называется мазый шөһүди – прошедшее очевидное, семантика определяется как: ...үткән заманда вокугасы рәүшанлык белән кыйлынган бер эшкә дәләләт кыйлган сыйгаларны әйтүрләр, т.е. обозначает действие, которое произошло в прошедшем времени и обозначается аффиксами: د-ن, د-ق, د- (1887: 19-20). К.Насыри считает, что основным показателем мазый шөһүди является аффикс د- д, к которому прибавляем: ن, ن, م (Әнмүзәж, 1895: 51-52, 1975: 72-73). М.Умидбаев подчеркивает, что этот глагол абсолютный, независимый – мазый мотлак шөһүди, с аффиксом د- (1901: 25-26). А.Максуди вместо шөһүди – освидетельствованный употребляет татарский – күрелгән (1910: 26)¹.

Само собою разумеется, прошедшее на -ды — «...форма представленная во всех без исключения древних, средневековых и современных тюркских языках»², широко употреблялась и в татарском литературном языке конца XIX – начала XX века, однако, как выявлено в процессе анализа, основные парадигматические и контекстуально-синтагматические значения или аспектуальные и модальные возможности данной формы в различных жанро-

¹ Максуди Ә. Төрки сарфы. Ибтидаи мәктәпләр өчен төркичә гыйльми сарыф риләсәе. – Казан: Лито- типография И.Н. Харитонов, 1910. – 30 б.

² Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988. – С. 379.

стилевых текстах реализовывались не одинаково. Это особенно ярко выражается в творчестве К.Насыри, имеющего труды во многих областях.

Художественные произведения К.Насыри относятся к первому этапу развития стиля повествования в татарской художественной прозе, который начинается с «Нахдж ал – фарадис» Махмуда ал-Булгари (1358), где автор ставил перед собой основную цель: донести до читателя сорок хадисов пророка, ибо только в этом случае он может считаться уважающим себя настоящим ученым и последователем пророка¹. В своих произведениях К.Насыри не рассказывает хадисов пророка, поэтому нет зачина «Хадис бу торур», но он сохраняет разделение сюжета на сорок частей и штамп передачи «чужой речи». В тексте «Кырык вәзир кыйсасы» все отдельные кыйсса-рассказы начинаются зачином: *вәзир әйтде, хатын әйтде – вәзирь сказал, женщина сказала* и дальше продолжается: *угълан әйтде, хуҗа әйтде, карт әйтде* и т.д. В текстах «Кырык бакча» и «Фәвакиһелжәләсә» рассказ ведется этим же способом: *Локман Хәким әйтде, Аристо әйтде, галим әйтде* и т.д. Таким образом, форма на –ды становится основным средством для передачи прочитанных книг и услышанных от умных людей поучительные истории, т.е. «чужой речи». Несмотря на это, данную форму легко заменить без ущерба для содержания и стиля повествования другими формами прошедшего плана: *хатын әйткән, хатын әйтә иде, әйтә торган иде* и т.д. и даже формой настоящего времени: *хатын әйтә*. Поэтому нельзя сказать, что в художественных произведениях К.Насыри форма на –ды выражает темпоральное значение. Здесь данная форма реализует лишь свою модальную возможность, передавая чужую речь, автор как бы и сам является участником и тем самым «...создает «эффект присутствия» рассказчика при действиях, которым он заведомо не был очевидцем, но которые желает преподнести как достоверные»².

А в текстах научных трудов, особенно в их введениях, автор от своего имени сообщает о том, как он собирал материал, как их классифицировал, как набирался опыта, как учил детей и т.д. и вот наконец, издал свой труд. В этом случае форма прошедшего времени на –ды уже реализует свои категориальные значения. Например, К.Насыри резюмирует: *... ошбу китабымызны хисаплык дип атадык, ...үз телемездәге сүзләрни сайладык, сан дидек,*

¹ Нуриева Ф.Ш. «Нахдж ал-фарадис» Махмуда ал-Булгари. – Казань: Фән, 1999. – С. 31-32.

² Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988. – С. 381-382.

бер кагыйдәсен җыю дип әйтдек, икенче кагыйдәсен аеру дип атадык, ... өченче кагыйдәсенә сугу дип исем бирдек (Хисаплык, 1899), здесь форма на –ды выражает целостное, однократное, законченное до момента речи действие. А в следующем примере данная форма выражает многократное, длительное, недавно прошедшее действие, с результатом действия в настоящем: «...татар телемезгә хезмәтче мән булаем дип утыз биш ел уздырдым, ләкин күп мәгънә чыкмады. Төн-көн никадәр иҗтиһат кыйлсам, шулкадәр, яратмадылар, татар теле дисәм, яратмадылар...» (Ләһжән татары, 1895).

С введением такого типа начинали свои научные труды многие ученые-просветители: Ш.Марджани, Г.Фаизхан, Т.Яхин, Ф.Карими, Р.Фахрутдинов, М.Умидбаев и т.д., значит форма на –ды активно употреблялась, реализуя свои парадигматические и синтагматические возможности.

Далее такие возможности прошедшего времени на –ды начали функционировать и в художественных произведениях М.Акджигита, З.Бигиева, Ф.Карими, Р.Фахрутдинова, Г.Гафурова-Чыгтая, З.Хади, Ш.Мухаммедова и др., где на передний план повествования выступал сам автор и вел рассказ, обращаясь к читателю от первого лица, открыто давая оценку своему произведению, персонажам и их поступкам.

Данный факт по сравнению с предыдущим периодом повествования вносит существенные изменения в ткань поэтической речи, в первую очередь разрушается традиционный зачин, рассказ начинается указанием места и времени происходящего события, сюжет развивается по прямой линии и в концовке дается краткий итог всему рассказанному. Таким образом, разрушается штамп передачи «чужой речи». Языковые возможности, в том числе и формы наклонений, приспосабливаются к передаче «живой речи» автора: события преподносятся так, как будто они происходят вот сейчас, в момент речи, на глазах у читателей¹. Форма прошедшего времени на –ды начинает чередоваться с другими формами прошедшего плана и формами настоящего времени: *Атны сарай астына йирләшдергән заманда, менланың күзенә гүзәл бер күренеш раст кәлдә: йорт буенча бакчадан арт ханәйә бер кыз кәчәйүр...* (М.Акджигит). *Атлар йитде, тафтишләр гарабәләрендән дөшеп, нумиргә кереп кәтделәр. ...нумир янындан таралмаенча, нә хәбар улур икән дип, тафтишчеләр чыгуына монтажир булып торалар* (З.Бигиев). *...параходның өстенә чыгып утырдым вә пристань халкын сәйер итәргә башладым. Параходка өлгөрмәк өчен, ашыгып-ашыгып, һәр якдан төрлө-төрлө кешеләр киләләр...* (Ф.Карими). *Әдәби, фәнни рисаләләр һәм Габбас мелланың холкыны төзәтмәк өчен күп ярдәм итте. ...ахляк голямасы күңел*

¹ Бәширова И.Б. Сәнгатьлә чәчмә әсәрләр теле. – Казан: Тат. кит. нәшр., 1979. – 16-41 б.

бозмага сәбәб улачак хикәя вә романларны, хыял галәменә батырачак эсәрләрне моталәга итмәкдән нәһи әйләмәктәләрдер (Р.Фахрутдинов). Как видно из приведенных примеров, предложения, где наблюдается чередование формы на –ды с формами настоящего времени, у каждого автора строятся по-своему, однако, форма на –ды у всех авторов функционирует как фон для развертывания событий и обозначает конкретное действие – состояние, объектом которого является сам говорящий.

Таким образом, степень реализации парадигматических и синтагматических значений прошедшего времени на –ды в произведениях писателей-просветителей определялась характером повествования, т.е. авторской позицией к изображаемому явлению.

Во всех других жанро-стилевых текстах указанного периода, обычно, повторяется одно из значений формы прошедшего времени на –ды. В стихотворных текстах данная форма употребляется, в основном, во всех своих значениях, а в текстах драматических произведений, также как и в живой диалогической речи, реализуется парадигматическое значение, которое выражает очевидное, целостное, однократное действие в прошлом: *...бер нәрсә өшкереп бирде, андан соң бер дога бирде* (Г.Ильяс). *Атасы дәшеп алды, исемен дә шунда белдем* (Ф.Халиди) и др. Может употребляться и в переносном значении, обозначая действие одновременное с моментом речи: *...генерал сәгатен ачып, минутка карап әйтә: баскычдан төшиде, урамга чыкды, күпердән чыкды, тауга менде, акчаны кайтарып алды* (Ф.Халиди). В религиозно-дидактических произведениях форма на –ды употребляется, в основном, в своем синтагматическом значении, означая длительность, повторяемость, многократность действия: *Аллаһе Тәгалә саклады, Мәккә кяфирләре аңа артык зарар вә зыян кыйла алмадылар* (А.Максуди) и т.д.

А на третьем этапе развития стиля повествования художественной прозы, т.е. в произведениях писателей-классиков, где автор не рассказывает, а творит характеры, создает образную систему, все языковые возможности, в том числе и формы наклонения, становятся «...эстетически организованным структурным элементом стиля литературного произведения»¹.

В отличие от формы на –ды, являющейся основным средством передачи содержания произведений, другие синтетические формы прошедшего времени на –ган, –мыш, –ыб, в силу своей маркированности и в темпоральном, и в

¹ Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 125.

аспектуальном, и в модальном отношениях, становятся одними из показателей варианта литературного языка своего времени, на котором было написано отдельное произведение. В произведениях, написанных на общеразговорном – народном варианте, хотя и употреблялась форма на –мыш, с большой частотностью повторялась форма на –ган; а в произведениях, написанных на джадидо-османском варианте, хотя и употреблялась форма на –ган, но часто повторялась форма на –мыш; форма на –ыб употреблялась, обычно, в кыйсах А.Уразаева-Кормаши.

В текстах конца XIX – начала XX веков, наряду с синтетическими формами, прошедшее время изъявительного наклонения функционировало и в следующих своих аналитических формах: –а (–дыр) иде, –р иде, –йур иде, –ган иде, –мыш иде, –а торган иде, –ачак иде, –макда иде, –уда иде, –ыб иде, –ды иде, –учан иде, –мак (–лык) иде. Некоторые из этих форм становились объектом изучения в первых грамматиках, написанных на татарском языке. Так, Г.Фаизхан в своей грамматике, наряду с вспомогательными глаголами бир-, ал-, бел-, бул-, обращает внимание и на аналитические глаголы, употребляемые с иде, называя их хикя фигтыль и объясняет семантику форм на –а иде, –р иде, –ган иде, –асы иде (1887: 30); у К.Насыри отсутствует форма на –а иде, он относит сюда форму на –са иде (1895); а М.Умидбаев объясняет еще и семантику форм на –ыб иде, –а торган иде (1901: 26-27); Ш.Иманаев определил значение формы на –ачак иде¹. Таким образом, почти все аналитические формы татарского языка были освещены уже в первых грамматиках, которые в дальнейшем совершенствовались другими учеными.

Как известно, изучению аналитических форм глагола, «...имеющим в тюркских языках широкое распространение», посвящена специальная монография, где раскрываются их сущностные признаки².

В татарском литературном языке изучаемого периода данные формы, в зависимости от характера повествования или выбора адресата, употреблялись с неодинаковой активностью и выполняли различные функции.

В художественных произведениях писателей-просветителей была особенно активна форма на –р иде со всеми ее значениями, которая

¹ Иманаев Ш. Татар теленен нәхүе вә сарфы. – Казань: Тип-ия газеты «Баянүль-хакъ», 1910. – 102 б.

² Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. – М.: Наука, 1965. – С. 114-204.

«...выражала незаконченное действие, свойственное форме настоящего времени, но перенесенное в план прошедшего»¹. Однако ее «исключительное описательное значение»² было обусловлено характером изложения, т.е. передачей «чужой речи», как в произведениях К.Насыри, А.Уразаева-Кормаши, Г.Фаизхана и др., а в текстах, где автор ведет рассказ от своего имени, не предполагает «обозначение действия как воссоздаваемого, вспоминаемого», как в произведениях второго этапа развития стиля повествования: *Бу ханэдэ менла хадыны тол Зөлхая вэ угълы Хисамеддин адлы адэмлар торырлар иде. ...Чук халык карт менланың сүзенэ шэригать сүзе кеби инанур иде (М.Акджигит). Жәмагать телендэн бу кеби сүзлэр ишетелер иде. Судебный пристав та махкәмә эчендә күренер иде (З.Бигиев). ...жәным эстәр иде, ... йөрәгем куркыр иде (Р.Фахрутдинов). Бу җәизнам бер елдан бәдәл табып хажга китәр, хаждан кайткач сату итәр иде, ... имамлык та кыйыр иде (Г.Гафуров-Чыгтай)* и т.д.

В произведениях писателей-просветителей значение незаконченного действия в прошлом начинает выражаться и формой на **-а (-дыр) иде**, особенно это заметно в текстах рассказов Ф.Карими: *...бу карты мин бик сөядер идем. Кыш көнләре мәктәпкә барадыр идек. ...акрын гына киләдер идек...* (Салих бабай...) и др. Данная форма в дальнейшем регулярно употребляясь в этом значении в произведениях Г.Исхаки, М.Гафури, Г.Ибрагимова, Ф.Амирхана, Ш.Камала и др., целиком и полностью заменяет форму на **-р иде**; форма на **-р иде** продолжает употребляться как показатель сослагательного наклонения.

В исследуемый период развития татарского литературного языка употреблялась форма на **-йур иде**, которая являлась одним из показателей джадидо-османского варианта старотатарского языка. В одних произведениях форма на **-йур иде (ирде)** по своему значению совпадала с формой на **-р иде**: *...Әмма чук адәм менлаи яхшы белмәдекләрендән сәүмәзләр иде, ... Бикбулат менла әфәнде Әхмәтша угълы, хәсәдлек итеп, аны сәүмәйур иде (М.Акджигит)* и др., в других произведениях форма на **-йур иде** характеризовала действия не как типичные, а как единичные: *Хәдичә туташ Муса әфәндене күрмәк эстәдекендән, тахталәр арасындан ярып эзләйүр иде (З.Бигиев)* и т.д.

¹ Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. – М.: Наука, 1965. – С. 137.

² Там же. – С. 131-132.

В текстах конца XIX – начала XX века, активно употреблялись и аналитические формы на *-ган иде*, *-мыш иде*, *-макда иде*, *-ачак иде*, *-а торган иде*, довольно пассивны были формы на *-мак (-лык) иде*, *-уда иде*, *-ыб иде*, *-ды иде*, *-учан иде*.

Во всех этих формах вспомогательный глагол *иде*, выражая действие плана прошедшего времени, сопровождал этот повествовательно-описательным значением, поэтому они с большой частотностью использовались именно в текстах художественно-прозаических произведений.

Во *второй* главе диссертации анализируются также показатели настоящего и будущего времени изъявительного наклонения: *-а (-дыр)*, *-р*, *-йур*, *-маз*, *-мас*, *-макда (-дыр)*, *-айды*, *-ады*, *-ганди*, *-гани*, *-уда*, *-учан*, *-гай*, *-асы*, *-ачак (-дыр)*.

По отношению к современному состоянию татарского литературного языка, данные формы являются:

- 1) литературной нормой: а) настоящего времени *-а (-э, -ый, -и)*, б) будущего времени *-р (-ар, -эр, -ыр, -ер)*, *-мас*, *-мэс*, *-ачак*, *-эчэк*, в) выражение желания в отрицательной форме *-гай*¹;
- 2) диалектными формами: а) в диалектах сибирских татар *-ады (-ади, -аты)*, *-га (-гали, -гани)*, б) в говорах среднего диалекта *-асы*, *-учан*, *-уда*²;
- 3) показателями пратюркского состояния: *-р*, *-мас*, *-йур*³;
- 4) вариантом среднеазиатского тюрки *-макта (-дыр)*⁴.

Таким образом, в изучаемое время в качестве показателей настоящего и будущего времени употреблялись формы, являющиеся литературной нормой для языков кыпчакской и огузской групп.

Исследования показывают, что литературная норма имела следующие типы вариативности:

- 1) графофонетическая – графоморфонологическая:

- а) оформление I лица ед. числа следующими аффиксами: ? -м,

¹ Татарская грамматика. Том II. Морфология. – Казань: Тат.кн.изд-во, 1993. – С. 102, 121-123, 142-148.

² Юсупов Ф.Ю. Изучение татарского глагола. – Казань: Тат.кн.изд-во, 1986. – С. 37-47, 94.

³ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988. – С. 389-390, 407.

⁴ Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. - М.: Наука, 1965. – С. 153.

им -йым, من -мэн, -мен, мн. числа: 3, -3, ميز -мыз, -мез, -быз, -без. При этом наблюдается и сохранение широкого гласного в основе и его сужение; 2 лицо ед. числа سن -сэн, -сен, سنان -сын, -сең, мн. числа سىز -сез, سىنكىز -сеңез; 3 лицо ед. числа ا -а, اء -ә (ادىر -адыр, اءدىر -әдер), мн. числа الار -алар, اءلار -әләр;

б) при отрицательном аспекте: مى -ми, -мый, ما ма, -ма, ماى -май, ماز -маз, -мәз, ماس -мас, -мәс;

2) морфологическая: а) употребление всех форм настоящего и будущего времени в их парадигматических значениях, б) употребление форм в контекстуально-синтагматических значениях не изменяя их темпоральности, в) употребление всех форм в контекстуально-переносном значении, нейтрализуя временную сему, г) употребление форм других наклонений в функции настояще-будущего времени;

3) синтаксическая: усиление лексическими средствами значения действия актуального, одновременного с моментом речи или следующего за моментом речи.

Каждый автор выбирал и употреблял тот или иной вариант, сообразно своим целям и требованиям определенных жанро-стилей и характера повествования, таким образом, этот вариант становился элементом определенного типа речи, создавая функционально-стилистическую вариативность.

В диссертации подробно анализируются функционирование и степень изученности всех этих возможностей.

В грамматиках, составленных в период с конца XIX – до 10 гг. XX вв. на татарском языке, авторы пользуются различными терминами и указывают на разные формы настоящего-будущего времени. *Форму на -а* Г.Фаизхан и К.Насыри (1895) называют *фигыль халь* (1887: 21, 1975: 73), М.Умидбаев – *заман халь* (1901: 23), А.Максуди – *гадәти хәзер* (1910: 29), Ш.Иманаев – *хәзерге заман* (1910: 74), а семантику объясняют так: *Фигыль халь диб хәзерге заманда бер эшнең булуын белдергүче сыйгаларны әйтәләр ки, ...* (1887: 21). *Форму на -р* Г.Фаизхан и К.Насыри называют *фигыль мозариг* – будущее время. Г.Фаизхан подчеркивает, что данная форма выражает и настоящее, и будущее время: *...фигыль мозариг дип хәзер йә киләчәк заманда бер эшнең булуын белдергән сыйгаларны атылар* (1887: 22). М.Умидбаев и А.Максуди считают, что эта форма – *мозариг мәстәкъбәл мәғлүм* – определенное, активное будущее время (1901: 28, 1910: 22), Ш.Иманаев – *киләчәк заман* (1910: 74). *Форму на -макда* А.Максуди

объясняет как даими хазер, т.е. постоянное настоящее время (1910: 29), форма на *-гай* М.Умидбаев называет – мөстәкбәл 2 нче дәрәжә илтизамы – показатель 2 степени будущего (1901: 29), форма на *-асы* у Г.Фаизхана и А.Максуди – фигыл мөстәкбәл – будущее категорическое время (1887: 23, 1910: 22) как и форма на *-ачак*¹.

Таким образом, многие формы татарского языка настоящего и будущего плана подробно описаны и объяснены их значения.

В татарском литературном языке изучаемого периода данные формы по употребительности имели довольно существенные различия, обусловленные характером повествования, выбором адресата или требованием определенного жанра-стиля.

Форма на *-а, -ә, -й (-дыр)* в 1, 2, 3 лицах ед. и мн. числа с категориальным значением, выражающим настоящее аспектуальное время, в художественных произведениях первого этапа развития повествования применялась в диалогической речи персонажей: ...*Син һич сорама, мин сөйләмим. Миндән нә эстәрсез? – диде. –Әйдә тизрәк, кайда качып йөрисең, сине диванда чакырлар* (К.Насыри). Форма 1 лица ед. числа на *-а* со значением действия совпадающего или не совпадающего с моментом речи активизируется в текстах первых драматических произведений, где она употребляется в основном, с усеченным аффиксом лица, отрицательный аспект формы на *-а* оформляется с аффиксами *-ма, -май, -мый, -ми*: ...*Яхшы, яхшы мин чыгып торам. Шөкер, бик исән йөрәм. ...рәңҗемим, бәбкәм* (Г.Ильяси). *Мин бай балаларының шунысын яратам. Аһ булмас, кабул кылмайым, Нуранияне калдырып китәргә кадир булмам, ...мин беркемне дә белмәймен, ди* (Ф.Халиди) и др.

2 лицо ед. числа начинает оформляться, как в разговорной речи, аффиксом *حسن* *-сын*: *Ул матурлык димсең, ...хәтфә, чук-чук энҗе димсең* (Ф.Халиди). В этих текстах зафиксированы и другие значения формы на *-а*, которые больше присущи живой разговорной речи, например, значение будущего времени: ...*җарлы булса булсын, Жанбайга барам. ...әгәр нәфсе теләгән кеше бай иргә баргач, кирәк булса, матур йөгетне табып була дим, ...йылмаеп кәлдә* (Ф.Халиди).

Далее, данная функция формы на *-а* наблюдается в прозаических и драматических произведениях Г.Исхаки: ...*Болай булгач, иргә дә бара алмый.*

¹ Мифтахова И.Г. История татарских грамматик: исследование глагола, местоимения и наречия (XIX – начало XX вв.). Часть II. – Казань: Хәтер, 1999. – С. 34-35.

Бармаса ачка үлэ (Кэлэпүшче кыз). Со значением будущего времени формы на –а и на –р чередуются в одном и том же предложении: Укытасыңыз килсэ, үзөмзөң махдумга генэ бирерсез, аның шәкертләре алай алла нәрсә белмиләр, юаш кына булалар (Бай угылы). Выражение будущего времени с формой на –а чаще встречается в драмах: ...Әсма: Гаебем булса әйт, ничек булуымны телисең? Син теләгәнчә булайым. Кәрим: Күн сөйләсәң, полициягә бирәм, аресныйга яптырам... (Өч хатын берлә тормыш) и т.д. Как видно из примеров, данное значение формы на –а в 1 лице оформляется с усеченным аффиксом лица.

2 и 3 лицо мн. числа формы на –а со значением обычного, типичного действия систематически употребляется в текстах публицистических статей и научных трудов: *...һәр телнең кагыйдәсе бардыр, әмма сез мондый нәрсәне инкяр кыйласыз. Тел үгрәнүнең тарихын белмисез, яхшыны, яманны танымыйсыз (К.Насыри). Барча кешеләрне дөньяга китерүчеләр аналардыр, буны үзәңез һәм ачык беләсез (Р.Фахрутдинов). Кәлимә диб берничә ауазлардан кушылып бер мәгънәгә дәлаләт кыйлган лафызны атыйлар. Сөйләшкәндә агыздан чыккан ауазларны хатта, йгәгни йазуда аңлатмак өчен куелган галәмәтләре хәрәф диб әйтәләр (Г.Файзахан).*

1 лицо мн. числа формы на –а с его парадигматическим значением в художественных произведениях второго этапа развития повествования, функционировала как одно из основных средств передачи содержания текста: отдельные авторы вели рассказ от своего имени во множественном числе: *...хикәямези йиңел аңлатмак өчен адыны Н хәрфе илә ишарәт идәмез (М.Ақджигит). Хикәямези яхшы аңлатмак өчен әүвәлән вәкуғсы нә йирдә вә нә вакытта улдугыны язамыз (З.Бигиев). Данной формой автор отождествляет, объединяет себя со своим читателем: ...ниһаять шимди морадына иреидекене күрәмез (М.Ақджигит). Бу кадәр кайгу-хәсрәтләрдән сонра хәзердә шадлык зыяфәте күрәмез (З.Бигиев).*

Эта функция формы на –а начинает нейтрализоваться в произведениях Ф.Карими, Р.Фахрутдинова, Ш.Мухаммедова и др., не наблюдается и в первых рассказах Г.Исхаки, М.Гафури, Г.Ибрагимова, Ф.Амирхана, Ш.Камала и др. В них активизируется 3 лицо ед. и мн. числа формы на –а со всеми его значениями и с аффиксом на –а (-дыр) в ед. числе, который находит применение почти во всех жанро-стилях, в том числе и в стихотворных текстах таких классиков как Дәрдемәнд и Г.Тукай.

В исследуемый период в различных жанро-стилевых текстах с различной степенью активности в значении настоящего и будущего времени

употреблялись формы на **-р, -йур, -маз, -мас**, которые обычно относят к пратюркскому состоянию языка¹.

Как видно из проведенного анализа, в 1 и 2 лице ед. и мн. числа формы на **-р** планы настоящего и будущего времени определяются, в основном, морфологическим показателем. Форма на **-р**, также и форма на **يور -йур**, оформленная усеченным аффиксом, т.е. показателем посессивного плана, выражают настоящее время: *Бер хэстэ, хэлсез күрсэк, ярдэм вирмэйэ гыйлажэ вэ чара үгрэtmэк морад идэрэз, ...дэхи дэрдэ мөбтэлэ хайван күрсэк, ажыэб ах-вах идэмэз* (М.Акджигит, 1886: 5). *Кэндүсэ дийүр ислам сэвэрэм* (16). *Сез тугъры инсан улдыкыгыздан инанырым ки, ...* (26). *Карьянең эһалтисе ике йөз кадэру улыб, адыны фаш итмэкдэн чикенэрэйүрөз, анчак хикэямези йиңел аңламак өчен, адыны Н хэрфе илэ ишарэт идэмэз* (2). Формы на **-р, -йур** с усеченным, а форма на **-а** с полным показателем лица, выражая настоящее актуальное значение, употребляются как равнозначные варианты.

Форма на **-р**, оформленная полным аффиксом лица, т.е. лично-предикативным окончанием, обозначает будущее время: *Ки, йөрэк бэгърем, вир жавап бэңа махэббэт идэrmесэн? – Идэрмэн. Пэк килешэ, бэн буны йырак гизлэрмэн вэ хилэttчэ йөзекеңне чыгарыб киеб вэ бакыб сэне йадыма алыб шатланымэн* (27). *...икенче килэчэкеңездэ сүзне тамамлармыз* (34) и т.д. *Бу кайгудан хэляс булыб, Хэдиçэ туташны алурсэн. ...Хэляс улурсэн* (З.Бигиев). *...Тэшэккер итарем, сөеклем, насыиб булса, без Истанбулга китармез* (Ф.Кәрим) и т.д.

В употреблении этих форм имеются следующие исключения:

а) в художественных произведениях К.Насыри, М.Акджигита, З.Бигиева, Р.Фахрутдинова и др. единичные примеры с полным аффиксом, особенно 1 лица единственного числа, выражают и значение настоящего времени: *...мин бу сүзләремне чын күңлем белән, сине жаным кебек күрөп сөйләрмән вэ бу сүзләремэ һичбер хилафлык итмэsmән, сэн дәхи миңа ямин ит, инандыр, аңа күрә мин дәхи бер төрлө эш тэдбир итеп күрермән* (К.Насыри). *...Абыстай, риҗа итәрмән, менла Хисамеддин шәһәрә йитешәнчәләдек бәне гизлә, ки Аллаһе риза улсын ...һәрвакыт эшләр илэ калүрмән. ...Исламиятнең сэгый вэ гайрәttкэ мөсагыйт идүкене тариха мөрәҗҗәгать илэ дэ белермез* (М.Акджигит). *...Хәзер барып рөхсәт сорармән*

¹ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988. – С. 389-390.

...Хэзер кайтарман (З.Бигиев) ...сәбәбене исә һәмишә сорамайурсыз.
 ...Хатынның исемене белмәйүрмен, дигән сүзенә каршы... (Р.Фахрутдинов) и др.;

б) в текстах, написанных специально для общетюркского читателя, т.е. джадидо-османским вариантом старотатарского языка (рассказ М.Акджигита, публицистика З.Бигиева, публицистика и путевые заметки Ф.Карими, художественные произведения и научные труды Р.Фахрутдинова и т.д.) 1 и 2 лица ед. и мн. числа формы на -р усеченным аффиксом лица выражают и будущее время, тем самым они противопоставляются текстам, написанным языком приближенным к народно-разговорному варианту татарского литературного языка. Например, у З.Бигиева 1 лицо ед. и мн. числа с показателями -мән, -мыз активно используются в романах, а с показателями -м, -з в публицистике: *Бик яхшы тапшырымән* (Гөнаһе кәбаир), *...пәк яхшы, хисаб идәрәм, сезә белдерерәм, - диде* (1908: 28), *...сезеңлә даһа бер дәфга сөхбәт итмәйә арзу идәрәм* (31) и т.д. ... *Соңра безгә килеңез, кәтәрмез* (Өлүф), *...на вакыт, нә йирдә сезеңлә даһа сөхбәт идәрәз* (1908: 31) и т.д.

В первых рассказах Г.Исхаки, Г.Ибрагимова, Ф.Амирхана, обозначение будущего времени усеченным аффиксом 1 и 2 лица формы на -р применяется лишь в стилистических целях: *Әй Раббем, сиңа ни дәрәжәдә шөкерләр кылырга белмим, ...бән колың. Әле эстәсәң – бирерсәң, теләсәң – алырсың, бирсәң – тәшәккердә булырым, алсәң – сабыр кылырмын* (Г.Исхаки). Данная форма такую же функцию выполняет и в творчестве Г.Тукая:

*Бу дөньяда, бәлки, күп-күп эшләр күрәм,
 Билгесездер кая ташлар бу тәкъдирем...*

(Туган авыл)

Таким образом, морфологическое оформление формы на -р как показателя настоящего и будущего времени в татарском литературном языке теряет мотивированность, так как форма на -р с полным аффиксом 1 и 2 лица стала выражать лишь будущее неопределенное время; формы на -а, -ә, -й с парадигматическими и синтагматическими значениями, оформленные и полными, и усеченными аффиксами лица – настоящее время. Употребление будущего времени с усеченным аффиксом 1 лица ед. числа после основ, оканчивающихся на -р и с аффиксом -сыңыз 2 лица мн. числа, в текстах первых драматических произведений воспринимается как диалектный

вариант¹: ...туена да, барысына да акчасын үзем бирем. ...туйны кай көн икәнен үзем хәбәр бирем. ...Менә кызлар жыясым бар, шунда дәшим, күрем шунда. ...Бай, ике хат яздым, кызыңызга укытырсыңыз. Ирәгә туй итәлем, насып булса, кичәсенә кияү булып, кыз янына килерсеңез (Ф.Халиди) и т.д.

В отличие от 1 и 2 лица в 3 лице ед. и мн. числа формы на –р плана настоящего или будущего времени не определяется показателями лица; размежевание их семантики происходит по контексту и, в некоторой степени, по употреблению узких или широких гласных в аффиксах. В следующих предложениях форма на –р выражает настоящее время: ...Кыз чыкды күрде: баягы угыры ишек тебендә торыр. ...һәммәсе бер сыйфатда вә бер кыяфәтдә йөрерләр вә ... бер кәлимә сүз сөйләмәсләр (К.Насыри), а в этих – будущее время: Үз башыңны коткарырга чарасын күр, бу патшалыгың кулыңдан китәр. Әгәр сиңа нәфәкасыз гаскәр кирәк булса, болар житәр, юк дисәң, адам булып жаны булган зат ашамак-эчмәк теләр (К.Насыри) и т.д.

В первых драматических произведениях в чередовании форм на –р и на –а в функции настоящего времени наблюдается взаимоотношение традиционно-письменных и народно-разговорных возможностей этих форм. В авторских ремарках настоящее время выражается формой на –р, а в речи персонажей – формой на –а: ...*(Бу вакытта Фатыйма керер)*. Сандугачлар сайрый, агачлар яфракка бөреләнә, нәфис хуш җилләр исәдер ... *(дип, чыгар)*. ...*Фәрихә*. ...*тукта*, Сәхибә абыстайны алдырыйм *(дип, чыгып китәр)*. В авторских ремарках драм Ф.Халиди начинает употребляться форма на –а, а в драмах Г.Исхаки и Г.Камала такое чередование не наблюдается.

В стихотворных текстах Г.Чокрый, и М.Акмуллы, Г.Самитовой, Г.Рахматуллиной и др. форма на –р употребляется в значениях как будущего, так и настоящего времени:

Һауада каз китеб барса, караб күр:

Берен – алда тотар. Син дә сабак күр:

Иярсәләр аңа тугъры барырлар.

Чобалсалар, дулаб, чашыб калырлар... (Г.Чокрый)

В произведениях М.Акмуллы форма –мас чередуется с формой –бәс:

Асылды сүккән менән аты китбәс,

Күңелдән җаман сүздең дагы китбәс,

Нәжәскә саф алтынды буйау менән,

Нәжәс китәр, алтынның заты китбәс... (Акмулла) и т.д.

¹ Юсупов Ф.Ю. Изучение татарского глагола. - Казань: Тат.кн.изд., 1986. – С. 71-72.

Такую же функцию выполняла форма на –р и в творчестве Дэрдемнда и Г.Тукая:

... Ул мөкаддәс кан белән ул

Изге сөткә ни житәр...

Сөт калыр, ватан китәр!

Сөт калыр, ватан китәр! (Дэрдемнд),

где форма на –р, как в поговорках и афоризмах, выражает значение распиренного настоящего, приближающегося к вневременному¹.

В текстах, написанных в конце XIX – начале XX века, в плане настоящего-будущего времени, а также для выражения различных оттенков пожелания, можем зафиксировать применение формы на –гай, которая а) с полным аффиксом 1 и 2 лица ед. и мн. числа, а также 3 лица б) обозначает действие, которое будет совершено в будущем при исполнении каких-либо внешних условий:

- а) *...Әмер кыйлыб Алламыз, терек булсак, кайткаймыз,
Тере булсам, кайткаймын, үлсәм, салам әйткәймен..
...Син гашийкем киткән соң, кемең берлән йөргәймен...
Син исемә төшкәндә, кемне күреб йөргәймен...
Йалгызым диб йыгыласа, күңел аулаб йөргәйсән,
Әгәр хезмәт боерса, мәндәй булыи кыйлгайсән...*

(А.Уразаев-Кормаши)

- б) *Барсаң, кешеләр күргәйләр, кашына килеб торгайләр.
Жыелган күб жәмәгәтьләр бездин хәбәр соргайләр...*

(А.Уразаев-Кормаши)

Замана ахры булса, нәләр булгай,

Дөньяга төрлек-төрлек бала тулгай... (Г.Чокрый)

В рассказе Г.Гафурова-Чыгтай, когда глагол на –гай с полным аффиксом лица является сказуемым главного предложения при придаточном цели или дополнения, тогда действие относится к настоящему: *...зәүҗем ...сүз яңартты, таки мин ирләр боерыкчы, хатынлар итагатьле хезмәтче булып калырга тиеш икән дәйү инангаймын. ...Зәүҗем бәндән сүз алды кем, бән бу утырышта тутамны искә төшермәгәймен һәм дин сакчысы киселмәгәймен* (1979: 364). Если же – в главном предложении при придаточном условном, тогда действие относится к будущему: *Син әгәр гакыллы кеше булам дисән, безнең бу дәртемезгә, әлбәттә, бер чара вә дәрман тапкайсән* (372).

¹ Татарская грамматика. Том II. Морфология. - Казань: Тат.кн.изд-во, 1993. – С. 125.

Во 2 лице форма на –гай, кроме передачи значения будущего времени, используется также для обозначения мольбы, надежды, смягченной просьбы:

Таһир Зөһрәнең апасына айтде: Зөһрә солтанга безләрден сәлям вә догалар айткәйсез...

...Ханым сүзем шул сиңа: амән –исән йөргәйсез.

...Йиргә халык тулганда, шунда сез дә баргайсез.

Угълыңны шунда күргәйсез, иманны кыл оҗмахда...

(А.Уразаев-Кормаши)

Бу ике кошның тәрбиясендә вә ашамак-эчмәгендә асла кимчелек кыйлмагайсән вә дәхи мин сатудан кайтканча, тәквәлек йулындан тыш аяк басмагайсән, ...булыр-булмас хәсис адәмләр белән эшнәлек кыйлмагайсән (Г.Фаизхан).

Данное значение формы на –гай, особенно регулярно повторяется в научно-дидактических произведениях К.Насыри: *...Син вә шигыр гыйлемдә мосаннәг булган бәетнең әлкабын яхшы үгрән, шөйлә ки, ...җавабында гаҗиз булмагайсән (Кабуснамә). Әй угыл, һәрбер хикәятдән бер мәгънә фәһем иткәйсән ки, ...әгәр кеше сүзенә катышмакчы булсаң, мәҗлесдәшләрең сүздән туктаган арада сүзгә катышкайсән (Китаб-әт-тәрбия).* Наблюдаются примеры и без показателя лица: *Авызыңа алган тагамны озак чәйнәгәй (Ирпадел әт-биха).* С такой же функцией употребляется и 3 лицо ед. и мн. числа: *И угыл, әгәр шагыйрь булып шигыр әйтмәк касд итсән, җәһед ит ки, шигырда сүзең рәүшән булсын, саклан ки, гамыйз булмагай (Кабуснамә). Ахмак вә наданлар эшенә катышма, таки үзеңне хәкарәт вә тәхкыйрь кыйлмагайлар (Китаб-әт-тәрбия)* и т.д.

В произведениях Ф.Карими и Г.Тукая данная форма употребляется в стилистических целях:

...Нумирың матур булса, күсе булгай,

Һәр матурда начар якның берсе булгай,

Аңсы булып җитмәсә дә, монсы булгай, -

Аңдыйн йыртык, мондыйн йыртык тунларым бар...

(Г.Тукай)

На исследуемом этапе в творчестве А.Уразаева-Кормаши и М.Акмуллы в плане настоящего времени в ограниченном количестве употреблялись формы на –ады, –айды, –гәни, –гәнди, –масды, –масдыр, а в произведениях К.Насыри, М.Акджигит, Ф.Карими, Р.Фахрутдинова, Г.Исхаки, Г.Ибрагимова, М.Гафури – форма на –мак (-дыр), –макда (-дыр), –уда, –учан.

Известно, что в общетюркологических исследованиях значения формы на –макда (-макта) определяется следующим образом: «Представляя собой видовой дублет формы настоящего времени, форма на –макта неизменно характеризует обозначаемое действие именно как действие, совпадающее по времени с актом коммуникации, без всякого уточнения его длительности, завязки, развязки и т.п. Указание на процессуальность, на пребывание данного действия в состоянии осязаемого совершения, совпадающего с актом коммуникации, исключает возможность ее образования от глаголов состояния, ...от глаголов обозначающих действие в виде длительного или постоянного свойства, от перфективных глаголов»¹.

В текстах художественных и публицистических произведений конца XIX – начала XX века, написанных на татарском языке, форма –макда (-дыр) употребляется, в основном, в указанном значении, однако наблюдается также довольно регулярное ее использование с конкретизирующими и вспомогательными словами для выражения значения повторяемости, многократности действия: ...*никадәр гөзерләр итсә дә, бу төрек һаман кыйнамакда, гөзер иткән саен таяк бирмәкдә* (Әбүғалисина, 1889: 57). *Кич кызым барып килмәкдә, көндөз үзем рисвай булмакда* (53) и т.д. От глаголов обозначающих длительное действие, также может быть образована эта форма: ...*Бу күпернең озынлыгы бер верстка кариб булып, халис тимердән япылмыш вә астындан Волга пароходлары гизмәкдәдер* (Ф.Карими, 1902: 155). *Москва Русиянең иң биек бер тижәрәт мәркәзе булдыгыннан, ...һәр тарафтан, сату-алу өчен мөваккәтән килгән мөселманлар һәрвакыт булынмакдадыр* (162) и др. *Вә бу көндә шөһрәтләре дөньяга таралган профессорлар вардыр ки, ничә хосуста белмәдекләрене сүзләп тормакталардыр. ...Хәсрәт вә шатлык күп вакытда бер-беренә тоташ килмәктәдер* (Р.Фахрутдинов).

Сильнее ощущается значение повторяемости, длительности действия с вспомогательным глаголом *икән*, *бул*:- *Падишаһ, бичара, һаман чумып калыкмакта икән. ...Болар, шөһәрне гизеп, эзләмәктә булсын, без килдек илче хикәятенә* (К.Насыри). *Бер заманлар әүвәл бу сарайда бай, тук вә кәефле адәмләр тарафыннан ... тантаналы вә газамәтле балолар бирелмәкдә вә дансалар ижра ителмәкдә булып, бу йирләр кәеф вә сафа йирләре иде* (Ф.Карими). Форма на –макда (-дыр) с глаголом *бул*-, *ул*- в публицистике

¹ Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. – М.: Наука, 1965. – С. 153-154.

Ф.Карими и в художественной прозе Р.Фахрутдинова употребляется также и в функции синонима причастия на **-а торган**, которое характеризует предмет по многократному, постоянному действию: *Ничә йөз еллардан бирле жәһаләт, золым, әсарәт астында изелеп каларак, хакийрь вә пәришан сурәтдә яшәмәкдә вә, дәһа тугърысы, башкаларның аяк астында сөрәнмәкдә булган үзләренең вә миллионнарча диндәш вә милләтдәшләренең – бу газиз вә мөкатдәс кан вә тел кардәшләренең – төрле ихтияжларын бергә тикшерәчәкләр* (Ф.Карими). ...дәүәсе өстендә утырып бармакда улан Ибн-Фазланны күрмәк хыйалилә тәрәзәдән башымны чыкарып караб вардыгым күб мәртәбә вакыйгъ улмышдыр (Р.Фахрутдинов) и др.

В творчестве Г.Тукая данная форма, в большинстве случаев употребляется со стилистической целью:

*...Иртә белән кайнамакта ул базар,
Анда да монда кызадыр сәүдәләр...*

(Печән базары, яхуд яңа Кисекбаш)

В исследуемый период в различных жанро-стилевых текстах в плане будущего времени с различной активностью применялись формы на **-асы** и на **-ачак (-дыр)**.

Форма на **-асы** со значением действия, которое непременно должно совершиться в будущем, употребляется в драмах Ф.Халиди, Г.Камала, в тексте комедии, автор которой неизвестен: *Кызларга укытырга шәһәрдән чыгасы жалуния өч йөз сум, ир балаларга укытучыга өч йөз алтмыш буласы. ...бунларга да жалуния буласы. Исәп гыйлеме, жәгърафия гыйлеме укытасылар* (Ф.Халиди). ...Аның өчен шул вакытта аңа кунаклар киләсе, инде озакламалар, килерләр. ...аның берлән сез тереклек кыласы, мин түгел (Комедия). ...үзеңне-үзең сыйпап-сыйпап йөрмәсәң, авыруың бик тиз буласы (Г.Камал). В этих же произведениях конструкции на **-асы бар**, **-асы бар иде** употребляются с значением необходимости: *...без үзебез дә шул йомшак авыз, күптән тотып өйләндерәсе генә бар иде* (Г.Камал) и т.д.

Форма на **-асы** довольно редко наблюдается и в первых произведениях Г.Исхаки, Г.Ибрагимова: *...Әнисенә «Дустым» абыстайларга барам дип чыгасы да, кайтканда анда керер* (Г.Исхаки). *...Чынлап та, ул – быел никрут бит ... ул – караласы* (Г.Ибрагимов).

В этих произведениях форма на **-асы** со вспомогательным глаголом **кил-** регулярно применяется в функции желательного наклонения.

Форма на **-ачак / -ажак (-дыр)** употребляется в художественных произведениях К.Насыри, М.Акджигита, З.Бигиева, Ф.Карими, Р.Фахрутдинова, Г.Гафурова-Чыгтая, Ш.Мухаммедова, З.Нади и продолжается в творчестве классиков-прозаиков.

В текстах конца XIX - начала XX вв. *повелительное наклонение* 2 и 3 лица ед. и мн. числа имеют показатели:

а) считающиеся традиционно-архаичными для всех тюркских языков: **-гайсән, -гайсыз, -саң, -саңыз, -гыл¹,**

б) употребляющиеся в диалектах: **-ың, -гын²,**

в) являющиеся литературной формой для настоящего состояния татарского языка: нулевой формант, аффиксы **-ыгыз, -егез, -сын, -сен, -сыннар, -сеннәр³.**

Таким образом, употреблялись формы, являющиеся литературной нормой и характерные для языков кыпчакской группы и для языков огузской группы. Наблюдались следующие виды вариативности.

1) графофонетическая - графоморфонологическая, которая отражалась в различном написании одних и тех же формантов императива: **-гыл, -гел, -кыл, -кел, -сун, -сын, -сынлар, -сыннар** и др.;

2) морфологическая вариативность, когда одни и те же морфемы императива в различных контекстах выражали различные значения: изъявительного, условного, желательного, сослагательного наклонений и формы указанных наклонений могли выражать оттенки императива;

3) синтаксическая вариативность возникла тогда, когда различные значения императива выражались различными аналитическими формами.

В результате выбора определенных форм из всего этого многообразия и частоты использования их в отдельных текстах образовалась функционально-стилистическая вариативность.

Форма на **-саң** со значением увещевания и мольбы употребляется в кыйссах А.Уразаева-Кормаши:

...Мин бичара колыңа рәхим кыйлсаң, ходая,

Бу зиндандан коткарыб, хәлас кыйлсаң, ходая...

¹ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988. – С. 330, 340-341.

² Юсупов Ф.Ю. Изучение татарского глагола. – Казань: Тат.кн.изд-во, 1986. – С. 188-205.

³ Татарская грамматика. Том II. Морфология. – Казань: Тат.кн.изд-во, 1993. – С. 137.

Форма на **-гайсән, -гайсыз** со значением пожелания, просьбы, совета, наставления были использованы в кыссах а) А.Уразаева-Кормаши, б) К.Насыри, в) Г.Фаизхана:

а) ...*Әйткән сүзем алгайсыз, ни әйтәйен йахшылар,*

Әман исән булгайсыз...

б) ...*Һәрни җәһәтдән булса да, гайреләрдә булган хакыңны оныткайсән, гайренең сіндә булган хакыны хәтрәңдә тоткайсән* (Китаб әт-тәрбия).

в) *Хак собханә вә тәгалә максудларын хасил кыйлгайсән* (Тутыйнамә, 1895: 45) и т.д.

Форма на **-гыл**, обуславливаясь контекстом, выражает просьбу, мольбу, совет, повеление, приказание:

...Кушылыр көн булган йук, сабыр иткел сән әле...

Китмәс кайау төшкәндер, акыл такыл, җан дустым...

(А.Уразаев-Кормаши)

...Белгел ки, адәмгә иң файдалы эчемлек – саф судыр...

(К.Насыри)

Җитәр безгә җиһанда бу газаби,

Илаһи бирмәгел анда газаби... (Г.Чокрый)

Данная форма активно использовалась в дидактических произведениях и чередовалась с безаффиксальным вариантом: *...Әй угыл, изге эш белән мәшһүр булмага тырыш... Әй угыл, белгел ки, ...бел ки, ...* (Т.Яхин)

Формы на **-ың, -ының**, тоже, и чередовались с вышеуказанными формами:

Киңәш кыйлың, йахшылар, сүзем мәгъкул күрсәңез,

Биш намазны укыңыз, рузани һәм тотыңыз...

(А.Уразаев-Кормаши),

и выражали, в основном, вежливо-учтивое обращение к одному или нескольким лицам:

Боерыңыз, эгәр хезмәтеңез бар булса, баш өсте, боерыңыз йибәрим ... Боерың әфәндем... Боерыңыз, назнимым, рәхим итә күреңез, кабып караңыз... (Әбүғалисина, 1889: 10, 26).

Данные формы активно употребляются в произведениях писателей-просветителей и начинают чередоваться с народно-разговорным вариантом **-ыгыз, -егез** в рассказах Ф.Карими, Г.Исхаки, Г.Ибрагимова. А в творчестве

Ф.Амирхана такое чередование выполняет и функцию стилизации, являясь средством изображения образов.

В текстах драматических произведений функционирует, в основном, безаффиксальный вариант императива и во многих стихотворениях Г.Тукая при передаче основной идеи используются глаголы повелительного наклонения с нулевым формантом, выражающим различные значения и идущие, обычно, в заключительных строках:

*Түкмә күз яшь: ярдамендә һәр заманда Алла бар,
Ал җәсарәт, алга омтыл, һич ялыкмый алга бар!...*

(Кияңеш)

В значениях настойчивой просьбы и побуждения к совершению действия в художественных произведениях К.Насыри систематически употребляется аналитическая форма на -а күр, отнесенная ко 2 лицу ед. и мн. числа: *Безгә баян кыйлып, күңелемездәге шөбһәдән безне чыгара күр. ...Кәрәм итеп, баян вә гаян итә күр. ...бу ятимгә шәфкать итә күрәңез.* (Әбүталисына) и т.д. Мягкое побуждение может выражать также 2 лицо мн. числа изъявительного наклонения: *Әгәр мәгъкул күрсәңез, хуш ула, бу тарафларга кәрәм боерсың. ...И газизем вә миһербан кунагым, хуш ула, минем кибетемә рәхим итәсез...* (Әбүталисына). Данная форма регулярно повторяется и в текстах писем.

Показатель 3 лица ед. числа императива, как известно, обладает богатым содержанием¹, которое систематически реализуется и в текстах конца XIX - начала XX вв. Например, значения повеления, распоряжения совершить действие, передаваемое через собеседника: *И шаһым, моның дәрманы улдыр, шул якыннарыңыздан булган йегетне күндереп, йомшаклык белән дэгъват кыйлсын вә солых эстәсен* (К.Насыри); предупреждение: *...гашийканә сачелмеш сүзләре арасында игълан итде ки, Хәнифә ханым бер хәдисәя хәзерләңсен* (М.Акджигит); значение опасения: *...күркамын ки, белмәсенләр* (М.Акджигит); значение злорадства: *Ни өчен шадланмасын ки, морадына наил улама Хәнифәи аладыр* (М.Акджигит). *Ни өчен шадланмасын ки, морадына наил ула, йөз мең сум көмеш акча илә гүзәл кыз ала* (З.Бигиев) и т.д.

В исследуемых текстах часто повторяются устойчивые сочетания с аффиксом -сын, выражающие различные пожелания: *Аллаһе тәгалә морадыңа ирештерсүн, хак тәбарәкә вә тәгалә хәзрәтләре имин итсен, Алла разый ул-*

¹ Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. – М.: Наука, 1965. – С.212; Юсупов Ф.Ю. Изучение татарского глагола. – Казань: Тат.кн.изд-во, 1986. – С. 199-203.

сын, Аллаһе рэхмэт итсен, Алла сакласын, Аллаһе насыиб итсен, хээрле булсын, мөбэрэк әйләсүн и т.д.

В отдельных произведениях К.Насыри глаголы 3 лица ед. и мн. числа повелительного наклонения выполняют функцию своеобразного штампа при повествовании, с помощью которого автор связывает ход событий: *Болар шәһәрне гизеп, эләмәкдә булсын, без килдек илче хикәятенә. ...шөкер кыйлып тик торсынлар, без килдек Әбүғалисина хикәятенә* (Әбүғалисина) и т.д.

В текстах исследуемого периода, 3 лицо императива употребляется в различных контекстах в функции других наклонений или с модальными значениями: а) в значении настоящего расширенного: *...ут эчендә адәм ничек торсын, аны белмидер идек* (Әбүғалисина, 1891: 35);

б) в значении неопределенного будущего времени (особенно часто повторяется в произведениях К.Насыри и Ф.Карими): *...минем ниятем шулдырки, атамны үтереп вә сине халәл итеп вә мәмләкәт безнең кулыбызда булсын, ... Яртысы тапкан кешегә ана сөте кебек халәл булсын* (Кырык вәзир). *...Андан соң шәһәр капкасы баганасына асып, бөтен дөньяга гыйбрәт булсын* (Әбүғалисина) и т.д. *...Зәкатны кем бирсен? Гөшерне кайдан алып бирсен* (Ф.Карими). Форма на -сын в ед. числе часто повторяется в значениях возможности и долженствования: *Әмма ни файда, дәрденә кемнән дәрмин эстәсен? ...Нишләсен, асла чыкмак мөмкин түгел. ...Нишләсен, бер казага очрады. ...Нишләсен, заклы китеп, хәйран булып торганда... Лаф ору дип кыяс боерылмасын* (Әбүғалисина); 3 лицо глагола бул- употребляется в значении союзного слова: *...суфый абзый илә казый хаклы булсын, хаксыз булсын, һәр көн сыртка чыбык сугалар* (Ф.Карими) и т.д.

Желательное наклонение в текстах конца XIX - начала XX вв. употребляется с показателями -але, -алем, -алек, -айын, -әйен, -айым, -әйем, -ыйм, -им, которые являются фонетически видоизмененными вариантами древнего форманта -гай и относятся к 1 лицу. Кроме того, в значении желания активно использовались и аналитические конструкции на -асы килә, -ыйсы килә, -асы килә иде, -асы килә икән, -асы бул-, -ырга иде и др., которые относились к 1, 2, 3 лицу. Таким образом, употреблялись формы, являющиеся литературной нормой для языков кыпчакской группы и для языков огузской группы. Наблюдались следующие виды вариативности:

1) графофонетическая - графоморфологическая, которая отражалась в различном написании одних и тех же формантов желательного наклонения;

2) графоморфологическая, когда формы желательного наклонения в зависимости от контекста употреблялись в значениях повеления, побуждения, призыва и др.;

3) синтаксическая вариативность возникала тогда, когда разнообразные оттенки желания выражались различными аналитическими формами.

В результате выбора определенных форм из всего этого многообразия и многократным использованием в отдельных текстах образовалась функционально-стилистическая вариативность.

Форма на -айын со значением желания и побуждения говорящего употребляется регулярно в кыссах А.Уразаева-Кормаши:

Эй жан дустым, йакын кэл, сүзем сиңа эйтәйен...
...Сәндән башка дустым йук, серем кемгә эйтәйен...

(Кыйссаи Бүз йегет)

Тәкъсыр ханым, сезләргә мин бер сүзем эйтәйен,
Бер серемне сезләрдән айап-саклап калайын...

(Кыйссаи Таһир илә Зөһрә)

Формы на -айым, -әйем, -ыйм, -им со значением желания, побуждения, намерения, решимости говорящего совершить действия в ближайшем будущем активно применяются во всех жанрах художественного стиля, основная, общая семантика этих форм так или иначе конкретизируется в отдельных текстах. В кыйссах К.Насыри глаголы, выражающие желание, обычно, ставятся после императива, обозначающего мягкое побуждение, учтивую или категорическую просьбу: *...килеңез, бер хикәят сөйләйем, сөйлә, мин һәм ишетимче, китереңез, ашап карыйым әүвәл, йә шәйех, кабул ит бу чапанымны сиңа һибә кылайым* и т.д.

В рассказе М.Акджигита данная форма выражает и индифферентное отношение говорящего к действию: *Ниндәй эдәб? ...Фаидәи исламия өчен чалышмакымны диле вә буш эшдән сайурлар да, бән алара эдәбле улайым? Бөйлә гакыллы ишәкләр фән белмәкемне зарар сайурдар да, бәй анларый хурламайым?* и т.д.

В романах З.Бигиева глаголы желания употребляются и при выражении неуверенности, сомнения персонажа: *...мән шимди нә кыйлайым ...Ниндәләйен эшдә ярдәм кыйлайым?*!

В текстах первых драматических произведений решимость говорящего совершить действие в ближайшем будущем особо подчеркивается другим глаголом, связанным с формой желательного наклонения при помощи слова

дип: ...тукта, Сәхибә абыстайны алдырыйм (дип, чыгып китәр)... Мин сиңа бер эш ясыым, – дип, бер нәрсә өшкереп бирде (Г.Ильяси). ...бераз йоклыым дип, миң башына менеп яткан иде ... мин Закирны алып китим, хуш, Сәлимә, (дип, чыгып китәр). ...барып тамак итәйем, соңра бу кичә кафе-шантанга барайым (дип, киemente киеп, ...ишекдән чыгар) (Ф.Халиди) и т.д. Такая же возможность в применении желательного наклонения наблюдается и в рассказах Ф.Карими: Ничек итеп янында тагын бераз утырып, андан-мондан сүз ачыйм дип бер ләхза эчендә исәпләп алдым (Бер шәкертг...). Бөтен зиненем вә фикерем илә шул кызның кем кызы икәннен ничек итеп вә кайдан өйрәнәйем дә тагын бер күрәп сөйләшәйем, дия хыял итмәкдә идем (Салих бабайның өйләнүе) и т.д.

В драмах Г.Исхаки и в первых произведениях писателей-классиков и в стихотворениях Г.Тукая формы на –айым, –әйем, –ыйм, –им желательного наклонения чаще употребляются с частицами әле, инде, соң: Яшь вакытларымны искә төшерим әле (Өч хатын...). ...шуны әйттим әле (Ике гапшык) и т.д. Әйдә әле, мәсәлән, менла кем, теге якка чыгык әле (Ф.Амирхан). Фәхри абый, тизрәк барыйк инде (Кәләпүшче кыз). Балам, ничек итәйем соң (М.Гафури).

Жәй көнен яздым бераз, язмыйм әле кыш, көзләрен,
...Шул турыдан аз гына биш-алты сүз сөйләм әле,
Гадәтемчә аз гына жырлыым әле, көйлим әле ...

(Шүрәле)

Формы на –але, –алем, –алек, –айык, –айук, –ыйк употребляются со значением призыва совершить совместное действие. В кыйссах А.Уразаева-Кормаши данное значение осложняется оттенком пожелания, просьбы: ...Буны үлтерәле, тиделәр, ...сугыш берлә үлтерәле, тиделәр, ...хәйлә берлә үлтерәле диб... (Кыйссаи Бүз йөгет).

Гапшыкым сән, Таһирым, мәгъшукым сән, Таһирым,
Жисмем эчендә – жаным, кил, үбешәлем, Таһирым...
...Килең, кызлар, үшәлек, Шат суына төшәлек,
Дәрәле Таһир киләдер, мәдәденә ирешәлек...

(Кыйссаи Таһир илә Зөһрә)

Форма на –айык, –әйек в тексте «Әбүғалисина кыйссасы» выражает желание автора как бы совместно со своим читателем вести повествование: ...Бу арада Әбелхарис кыйссасы тамам булып, без киләйек максуд асылы булган Әбүғалисина кыйссасына (1889: 16). ...Хәлвәфруш белән кыз гыйш-гыйшрәтдә булсынлар, без киләйек илче хикәятенә (1889: 35) и т.д. Данное

значение в произведениях М.Акджигита, З.Бигиева выражается формой на –алем: *Эмма без Хисамеддин менла артындан кидәлем* (1886: 8). ...*Эмма максуда кәләлем* (47), *Боерың бер көн әүәл, йәгъни шимбә көнге мажаралара дикъкать идәлем* (54). Форма на –алем в романах З.Бигиева, чередуясь с формой на –айым, активно употребляется и в речи персонажей: ...*әйдә, сәне бундан без чыкаралем, дил, икесе ике кулымдан тотып, бигрәк қараңгурак йиргә илтеп куйдылар. ...шимди кофене эчәлем. ...эшкә шөрүгъ кыйлалем, дәйү...* (З.Бигиев) и т.д.

В рассказах Ф.Карими основное значение формы на –алем осложняется оттенком требования и пожелания: ...*Иң әүәл һәркөн өстендә яшәдекемез вә үлдекдән соңра эченә күмелеп ятдыкымыз йирнең әхвален, йәгъни гыйльме жәгърәфия илә гыйльме табигател әрз вәлмәгъдәнне үгрәнәлем. ...Андан соң, һәркөн үзләре илә яшәп файдаландыкымыз хайванәт вә нәбататның хәлләрен, йәгъни зоология вә ботаника үгрәнәлем. ...йәгъни гыйльме тарихны үгрәнәп, яхшыларыннан гыйбрәт алып, анлар кеби булмага чалешалем, фәналәрендән качалем. Безләрне халык итеп ризык биргән жәнабе хакны танып, аңа коллык итмәгә үгрәнәлем...* и т.д.

Данная форма в поэме Г.Тукая употребляется в стилистических целях:

Алдыбызда ат кәмитен күрәлем,

Һәм Микитин жәмгатенә ирәлем...

(Печән базары, яхуд яңа Кисекбаш)

В произведениях классиков начинают употребляться формы желательного наклонения на –гыры, –магае, широкое применение получают аналитические формы на –асы кыл-, –асы иде- и др. ...*Алланың рәхмәте төшкере, һай! – дил кенә кычкыр* (Г.Исхаки). *Чуқынсыллар да, каһәр төшкерләре. ...Крестиян булмагае, кадалып китсен...* (Г.Ибрагимов)

Аналитические формы желательного наклонения начинают употребляться в первых драматических произведениях: *Менә бервакытны мине эңиләр кияүгә бирәселәре булды* (Г.Ильяс) *Бары матур кыз аласы килә. Аның акчасы безгә буласы түгел, үзенең туена тотасы, тик дус-иш алдында туйны да кеше туге төсле итәсе киләдер. ...Закир туйны кайчан итәсе килә. ...кечкенә кодачаларны да өйгә кертәсем килә. Кяшки Нурания бер кеше кебек әдәбле йегеткә булса иде, валлаһи. ...Үзегез беләсез, соң барасыгыз киләме?* (Ф.Халиди). *Оятсыз, бик тиз өйләнәсең килә икән* (Комедия). Данные формы активно употребляются в рассказах Ф.Карими, а особенно в творчестве Г.Исхаки, Г.Ибрагимова, а также в стихотворениях Г.Тукая:

*Юк, кирәкми, мин өйрәнмим, минем уйныйсым килә,
Шул болыннарда ятасым, шунда ауныйсым килә...*

(Кызыклы шәкерт)

Сильное желание выражается и показателем на **-са** с вспомогательным глаголом *иде*: *Күтәргән кул догага, яд итә ул шунда үз угылын:*

«Ходаем, ди, бахетле булсыйде сөйгән, газиз угылым...»

(Ана догасы).

Условное наклонение в текстах конца XIX - начале XX вв., как и в современном татарском литературном языке и в его диалектах, употребляется с показателем **-са**. Кроме того, в исследуемое время потенциальное действие, служащее условием совершения действия, выраженного другим глаголом, представляется и следующими аналитическими формами: **-ды исә, -мыш исә, -ган исә, -ыб исә, -р исә, -йур исә, -маз исә, -мас исә, -макда исә, -ачак исә, -са кирәк, -са иде**. Многие из этих форм в сочетании с частицей *да* выражают и уступительное значение. Таким образом, употреблялись формы, являющиеся литературной нормой для языков кыпчакской группы и для языков огузской группы. Наблюдались следующие виды вариативности: 1) графофонетическая - графоморфонологическая, которая отражалась в разном написании одних и тех же формантов изъявительного наклонения и в раздельном или слитном написании показателя **-са**; 2) морфологическая, когда а) форма условного наклонения «...в зависимости от глагола следствия и окружающего контекста могла получать троякий характер: условие может быть реально осуществимым, предположительным и нереальным»¹, б) употребление условных форм в нехарактерном значении или употребление различных глагольных форм для выражения условия; 3) синтаксическая вариативность возникает тогда, когда значение условия выражается различными аналитическими конструкциями: **-са кирәк, -са иде, -мыш улса (да), -ган булса (да), -а торган булса (да), -алай булса**.

В результате выбора определенных форм из всего этого многообразия и частотным повторением в отдельных текстах образовалась функционально-стилистическая вариативность.

В художественных произведениях К.Насыри активно употребляются формы изъявительного наклонения будущего времени на **-р, -мас** и форма настоящего времени на **-а** в значении будущего. Когда форма на **-са** употребляется с глаголами этих форм, она означает реальное условие: *Әгәр син минем белән күңел бер итеп, бер күлмәктән башыңны чыгарсаң вә минем сүземә илтифат кылып карасаң, мин синең хафачалыгыңны китәрәм, хәтерегне шат-*

¹ Татарская грамматика. Том II. Морфология. – Казань: Тат.кн.изд-во, 1993. – С. 151.

ландырымән. ...Әгәр син мине ... халаллеккә кабул итсәң, ... сине атаң урынына патша итәмән. ...Әгәр иртәгә мине аерып җибәрмәсәң, ...бу маллар барчасы синең малыңдыр, сиңа булсын. ...Әгәр мәгъкул күрсәңез, хуш ула, бу тарафларга кәрәм боексыз. Әгәр фәрманыңыз булса, баш өсте, бу хезмәтне әдә кыйлайым и т.д. Как видно из примеров, почти все предложения начинаются союзом әгәр – если, эта особенность, как литературная норма, подчеркивается и в учебнике «Әнмүзәж» (1895).

В произведениях К.Насыри употребляются также предложения, где форма на -са с глаголом следствия выражают оттенок типичности или предположительное реальное условие; с частицей да - уступительное значение, в сочетании с модальным словом кирәк – значение предположения. Сочетание -са кирәк довольно активно применяется в кыйссах А.Уразаева-Кормаши, где в форме 1 лица ед. числа выражает предположение, а в форме 2 лица ед. числа - совета, разрешения: *Таякыңны кулга алыб, мәне әзләсәң кирәкте* и т.д., а в форме 3 лица ед. числа выражает предположение и надежду:

*Кыямәт көн ходайым безне кушса кирәкде,
Һәр йаралган бәндәгә хөкем кыйлса кирәкде...*

В произведениях М.Ақджигита, З.Бигиева и Р.Фахрутдинова активны и аналитические формы на -ды исә (дә), -мыш исә (дә), -р исә (дә), -йур исә (дә), -маз исә (дә), -макда исә (дә), -ачак исә. В романах З.Бигиева вместо исә употребляется улса, а форма на -мыш исә дә начинает чередоваться с формой на -ган улса да или -ган булса да: *Русия дәүләтенә табигъ улмыш исә дә, ...госманлы тәбагасе улмышдыр. ...Кеше нә кадәр олугъ гаеп вә җынаять кылган булса да, һич дә эйтми мән бу эшдә гаепле дин* (Гөнаһе кәбаир). Однако в текстах публицистики такое чередование не наблюдается, здесь только традиционные формы.

В художественных произведениях Ф.Карими активизируются предложения, где чаще используется форма на -са в сочетании и частицей да, т.е. с уступительным значением. У этого же автора, форма на улса заменяется формой - булса, а аналитические формы с союзом исә употребляются, обычно, в речи персонажей и в несобственно-прямой речи, также как и народно-разговорные конструкции типа: *алай булса, шулай булса, ничек булса (да)* и т.д. В текстах путевых заметок употребляются только традиционные аналитические формы, особенно часто повторяется форма на -ачак, булыр исә (дә) и конструкция нәсыл исә.

В текстах художественных произведений классиков формы условного наклонения в сочетании с союзом *исә* редкостны, употребляются нечасто, в связи с чем в семантике условных форм исчезают оттенки, свойственные формам изъявительного наклонения. Значение условного глагола теснее переплетается со значением основного глагола, их отношения более осложняются и возникают семантические оттенки, которые считаются нормой современного татарского языка.

Сослагательное наклонение, которое характеризует действие не как реально существующее, а как возможное, предположительное, желательное, в текстах конца XIX - начала XX вв. выражается формами: *-р иде, -ачак иде, -мас иде, -са иде, -мыш улыр иде, -ган булыр иде, -сен иде, -мак иде*. Таким образом, употреблялись формы, являющиеся литературной нормой для языков кыпчакской группы и для языков огузской группы. Наблюдались следующие виды вариативности: 1) графофонетическая - графоморфологическая, выражающаяся в различном написании одних и тех же формантов; 2) морфологическая вариативность, когда различные показатели указанного наклонения в одних и тех же или в различных контекстах выражали общее значение, свойственное данным формам, а именно «...указание на предположительность, возможность или невозможность действия с оттенками допущения, желания и т.д. при наличии реального или нереального условия, относящегося к плану прошедшего времени»¹; 3) синтаксическая вариативность возникала тогда, когда значение сослагательного наклонения могло передаваться в условном периоде, т.е. составе сложноподчиненного предложения и в независимых простых предложениях.

В результате специального выбора определенных форм и высокой употребительностью их в отдельных текстах образовалась функционально-стилистическая вариативность.

В отличие от других наклонений, сослагательное наклонение употребляется, в основном в текстах художественного стиля и особенно активизируется в творчестве писателей-просветителей и классиков в связи с началом изображения «живых» образов - персонажей, их желаний и чаяний, а также различных отношений между ними, и с возникновением использования несобственно-прямой речи и других стилистических приемов.

В художественных произведениях К.Насыри глаголы данного наклонения довольно пассивны, значение их определяется, в основном, формой лица

¹ Юсупов Ф.Ю. Изучение татарского глагола. – Казань: Тат.кн.изд-во, 1986. – С. 261.

условного глагола. Когда условный глагол ставится в 1 лице, тогда форма **-р иде** выражает сожаление, досаду: *Бирсәк, бу кадәр һалакәтләргә күрмәс борын бирер идек* (Әбүҗалисина); если условный глагол дается во 2 лице – побуждение к действию, просьбу, желание: *И газизем вә миһербан кунагым, хуш ула, минем кибетемә рахим итәсез, мәҗлесегез илә мөһәррәф булыр идек. Мөмкин булмасмы, монда дахи бер һөнәр күрсәтәсез, диван әһле барчасы ашкярә күрсеннәр иде* (Әбүҗалисина).

В данной позиции показателем глагола в протазисе может быть форма **-са иде**: *...падишаһларга дога вә сәна әдасын җиренә китереп, илтимас кыйлды ки, кәрәм итсәңез, хаммам зыяфәте миндән булса иде* (Әбүҗалисина). Когда глагол употреблен в аподозисе, в 3 лице, или выражается предположительная возможность, которая конкретизируется и соответствующими словами: *Кызны бирмәк түгел, кодрәтеннән килсә, тереләй тотып ашар иде. ...кызны бирмәк түгел, мөмкин булса, канын эчәр иде* (Әбүҗалисина).

В рассказе М.Ақджигита ирреальное условие выражается формой **-са иде**, а глагол на **-р иде** выражает предположительную возможность: *...хәлифәләре ислам шәригатенчә торсалар иде, мәзкүр дәүләт хәзер дә мәүҗүд ула белер иде...*; или сильное желание: *Безгә лотыф идеп, баш кода булсаңыз иде, абыстай, үләнмәк эстимез, Габбас аганың кызыны сорасаңыз, бөек мәрхәмәтеңездән булыр иде. ...Һай кош улса идем, очып яныңа җитешеп, хәлемне сәңа белдерер идем...*

В тексте этого рассказа в диалогической речи форма на **-р иде** употребляется и в самостоятельном предложении, выражая желаемое действие, «...в котором имплицитно заложена обусловленность его осуществления...»¹: —*Ләкин бән сәндән дә тиз кайтыр идем* (1886: 65). Такие же предложения употребляются и в романах З.Бигиева: *...йәнә бер-ике айдан соңра Әхмәди байның кызы илә йөз мең акчасы Мусанын милкендә улыр иде. ...Әхмәди бай исә Хәдичә туташны Габденнәсыр әфәндәйә вирмәнчә, Муса әфәндейә билгайне вәррәэс вирер иде* (Өлүф...). В романах этого писателя несколько протазисов могут иметь соотносительную связь с одним и тем же аподозисом на равных начала: *Маһруй бөйләчә сүзә дәвам итде: —Әгәр дә сән кабул итсән, мән баланы сәнең өңдә калдырыр идем. Сән яхшы гына тәрбия кылыр идең. Мән үзем дә форсат вакытларда кәлеп карар идем. Нә исә дә үз күзем алдына булыр иде...* (Гөнаһе кәбаир).

¹ Татарская грамматика. Том II. Морфология. – Казань: Тат.кн.изд-во, 1993. – С. 158.

Сослагательное наклонение активизируется в художественных произведениях Ф.Карими. В текстах этого писателя один и тот же протазис может иметь соотносительную связь с двумя или более аподозисами на равных началах: *...андан соң кәнә үз телемездә кыскача вә ачыкча итеп, игътикад вә гамәл мәсьәләләрен үгрәтсәләр, беркадар әхляк вә әдәб-тәрбия белдерсәләр вә һәр кеше өчен бөтен гомере буенча лязем булган гыйльме хисабдан, вә гәрчә бәк кыска булса да, кыйссас әнбия, тарих вә жәгърәфиядән хәбәр вә мәгълүмат бирсәләр вә андан соң кулындан килгән кешегә балаларын рус мәктәпләренә жибереп, русча укырга вә берәр төрле һөнәр вә сәнагаткә үгрәнергә кушсалар, мужикларымыз һәм халис мөселман һәм дә үзләренә вә кешегә файда китерә торган берәр адам булып гомер кичерерләр вә киткән саен мәгыйшәтләре төзәлер иде* (Нуретдин хәлфә).

В произведениях Ф.Карими в качестве варианта формы на -р иде начинают употребляться и формы на -мыш булыр иде, -ган булыр иде, -ачак иде: *...бәлки күңел тынычлыгында икәнлеген белмеш булса иде, ...кәндесен дә бу кеби кәдәр вә хәсрәтләрдән вә дуст-дошман арасында мәсхәрә булудан коткарган булыр иде* (Морза кызы...). *Әгәр сүз башларга депутатка калса, эш мәшкел булып, ни димәгә дә белмәячәк иде* (Хыялмы?). В произведениях Р.Фахрутдинова систематически используется форма на -ачак иде, где к значению предположительной возможности добавляется оттенок категоричности, свойственный основе на -ачак: *Бунларда улган алтын, көмеш, йефәк, алмаслар бәһаләнсә иде, һич шөбһәсез миллионларга ирешәчәк иде* (Сәлимә). *Гайшә абыстай әгәр дә дәүләтле кемсә кызы улса иде, Габбас мөллага дәгел, бәлки аның хәлфәләренә яр улачак иде* (Әсма...).

В научных и публицистических произведениях Ф.Карими, Р.Фахрутдинова сослагательное наклонение не наблюдается. Сослагательное наклонение особенно активизируется в отдельных произведениях Г.Исхаки, где глагол в аподозисе может иметь формы на -са, -са дә, -сәнә, -сачы, -ган булса, -ганга, -ганда, -гач, значение которых дополнительно конкретизируется модальным словом ичмасә – хотя бы, при этом глагол в протазисе употребляется в формах -р иде, -мас иде, -ачак иде в тексте «Йөз елдан соң инкыйраз» и «Мулла бабай». Вместе с тем часто употребляются и периоды, когда несколько протазисов могут иметь соотносительную связь с одним и тем же аподозисом на равных началах: *Әгәр болгарлар бу кешеләрнең юлы берлән*

китсэләр, бу киләчәк йегерме икенче гасырда безнең бөтен дөньяга бетүемез изълан кылынмас иде. Бөтен дөньяга безнең бер милләт икәнлегемез, безнең бер бәни бәшәргә нинди файдалар китерүемез моляхәзә кылыныр иде.Ничә миллион болгарлар боларның рухларына доголлар кылырлар иде. Бөтен болгар галәме бер тантана, шатлык, рәхәттә калыр иде, диде (Йке йөз елдан соң инкыйраз) и т.д.

В произведениях писателей-классиков и в поэзии Г.Тукая глаголы со-
слагательного наклонения, как и другие языковые возможности, становятся
средством изображения, поэтому они употребляются соответственно образ-
ной системе каждого отдельного произведения:

*И матур! Мин янмас идем, яндыручы булмасаң,
Таммас иде жңиргә яшьләр, тамдыручы булмасаң!
Бер минутта ташлар идем, бу томанлы моңларый,
Син мине мескен кылып моңландыручы булмасаң...*
(Син булмасаң...)

*Кем белә, йыгылап аяк астында үткән көннәрәм,
Мәгънәсез аһлар белән буп-бушка үткән төннәрәм,
Бер-бер эш милләткә бирерләр иде, алданмасам,
Мин, юләр, гошшак рәтенә яшътән үк ялганмасам.
Жисменә җан өрсәм, үтермәс иде милләт мине,
Та кыямәт зикер итәрди, бәлки тәгъзимләп мине...*

(Алдандым...)

Наклонение намерения в текстах конца XIX - начала XX вв. имеет:

а) широко распространенные в тюркских языках формы на -макчы и ее вре-
менные дублеты на -макчы иде, -макчы бул (-мак бул-), которые в совре-
менном татарском литературном языке рассматриваются в системе форм мо-
дальностей, наряду с формами на -рга/-маска, -рга/-маска булды, -рга/
-маска ит-, -рга тор-, -рга йөр-, -асы, -асы итте, -асы булды, -ачак булды,
-ыйм, -ыйк дн¹, б) формы на -ырга кели, -мак тели, -мага тели, являющие-
ся диалектными формами², в) формы на -макчы ул-, -мак ул-, -мак эстәү,
-мак эстәү иде, -мага ният илә, -мак касды, -мага рәгъбәт итү, -мага
хәмлә кыйлу, -мага һимәт баглау, -ырга эстәү, -ырга ирадә и т.д.

¹ Татарская грамматика. Том II. Морфология. – Казань: Тат.кн.изд-во, 1993. – С. 245-249.

² Юсупов Ф.Ю. Изучение татарского глагола. – Казань: Тат.кн.изд-во, 1986. – С. 233-251.

Таким образом, употреблялись формы, являющиеся литературной нормой для языков кыпчакской группы и для языков огузской группы. Наблюдались следующие виды вариативности: 1) графофонетическая-графоморфонологическая, выражавшаяся в различном написании одних и тех же показателей; 2) морфологическая вариативность возникла в связи с выражением общего значения намерения разными производными морфологизированными конструкциями, которые конкретизировали основные значения; 3) синтаксическая вариативность возникла при выражении значения намерения аналитическими формами и свободными словосочетаниями.

В результате выбора определенных форм из всего этого многообразия и частого употребления в отдельных текстах образовалась функционально-стилистическая вариативность.

В художественных произведениях К.Насыри активно употребляются почти все указанные формы наклонения намерения, особенно часто повторяются аналитические формы: -мәкчесез, -ырга булды, -асы булды, -мак теләде, -ырга теләү, -мак теләү, -макчы бул-, -макчы иде, -мак эстәү, -мага ният, -мак касды, -мага рәгъбәт итү, -мага хәмлә кыйлу, -мага һиммәт баглау и т.д.

В рассказе М.Ақджигита систематически применяется форма на -мак эстәү, -мак эстәр иде. В текстах первых драматических произведений использованы, в основном, форма на -макчы иде, -макчы бул, -мак бул, вместе с тем наблюдаются и формы на -асы бул и -ыйм дип: *Менә бервакытны мине әниләр кияүгә бирәселәре булды* (Р.Ильяс). *Маһитанны кызык итим дип, талак кылган, дигән* (Ф.Халиди). *...боларның да хәлләрең белеп чыгыйм дип кердем* (Г.Камал).

В текстах романов З.Бигиева значение намерения передается аналитическими формами в сочетании с инфинитивом: *...нумир эченә керегә нә кадәр кәәд итделәр исә дә, ...шимди хак катыыйһне эзләп табарга ирадә кыйладыр* и т.д., а в произведениях Р.Фахрутдинова активизируется форма на -ачак ул-, -мак ул-, употребляются также формы на -мак нияте илә, -ырга эстәдем, -мак эстәү и др.

В художественных произведениях Ф.Карими значение намерения выражается, в основном, формой на -макчы бул-, а в публицистике и путевых заметках - формами на -мак эстәү, -ачак бул. В первых рассказах Г.Исхаки

часто повторяются формы **-ачак бул-, -макчы бул-** в то же время в речи персонажей употребляются и формы на **-ырга кели, -ырга тели**: *Кая илтергә келисең? Алла насып итсә, Казанга илтергә келим инде. ...Казанга мәктәпкә җибәрергә телимез* и т.д. В драмах форма на **-ырга кели** не наблюдается.

В первых произведениях Г.Ибрагимова, Ф.Амирхана, Ш.Камала, М.Гафури и др. формы наклонения намерения употребляются выборочно, соответственно образной системе каждого произведения.

В стихотворениях Г.Тукая, как известно, употребляются формы на **-мак бул-, -макчы бул-**:

Шүрәле фәрһят итәдер, аудан ычкынмак була,

Һәм дә ычкынгач, егеткә бер-бер эш кылмак була...

(Шүрәле).

Күзгәтмакчы булсаң, халык күңелләрен,

Тибрәтмәкче булсаң, иң нечкә кылларын...

Көйләү тиеш элбәт, ачы хәсрәт көен

Кирәк түгел мәгънәсе юк көлке, уен... (Сәрләүхәсез).

Формой на **-макчы бул-** выражается намерение, принявшее категорический характер.

В текстах утилитарных стилей данное наклонение не проявляет активности.

Таким образом, во второй главе были проанализированы формы наклонений глаголов и в итоге сделаны выводы: во-первых, каждое наклонение выполняло кроме своих типичных функций, и функции других наклонений и, во-вторых, все наклонения без исключения имели широкий спектр формальных показателей.

В заключении содержатся общие итоги и выводы. ◦

Татарский литературный язык конца XIX - начала XX вв. представлял богатый фактический материал для изучения литературного языка в плане выявления основных сущностных признаков, а именно, литературной нормы, вариативности нормы и функционально-стилистической вариативности.

В исследуемый период функционировали все стили литературного языка: образно-художественный, общественно-публицистический, религиозно-дидактический, научно-познавательный, официально-деловой и эпистолярный - каждый в рамках определенного типа человеческой деятельности.

Структура языка, приспособляясь к ним, получала ту или иную отметину, соотносенную с этими типами деятельности людей.

Исследуемый период развития татарского литературного языка был особенно сложным, когда своеобразно соприкасались многовековые письменно-традиционные нормы классического старотатарского языка (тюрки) и общеупотребительные разговорные формы татарского народа, взаимодействие которых становится основой для возникновения структурно-функциональной вариативности нормы.

В отличие от других этапов в изучаемый период данные соотношение своеобразно дифференцируется: одни и те же писатели-просветители отдельные свои произведения посвящают специально татарскому читателю (религиозно-дидактические брошюры Р.Фахрутдинова, романы З.Бигиева, повести Ф.Карими, рассказ Г.Гафурова-Чыгтая и др.) и употребляли, в основном, общенародно-разговорные слова, а другие произведения те же авторы пишут специально для общетюрского читателя (поэзия Г.Чокрия, художественные произведения, научные труды и публицистика Р.Фахрутдинова, научные труды, некоторые публицистические статьи и, особенно, путевые заметки (книги) Ф.Карими, научные труды Г.Гафурова-Чыгтая и др.) и пользовались общетюрскими формами.

Начинающие молодые авторы: Г.Тукай, Дэрдменд, Ш.Камал, Ф.Амирхан, Г.Ибрагимов и др. (исключение Г.Исхаки и М.Гафури) в своих первых произведениях, придерживаясь традиций старотатарского языка, свободно употребляли основные его структурные варианты: общетюрские традиционно-письменные формы и арабо-персидские заимствования, а последующие произведения были написаны национальным литературным языком, основанным на общенародно-разговорной форме.

Исследовательский материал, представляющий собой огромное языковое и стилистическое богатство в данной диссертации впервые изучается как функционирующая структура: а) выявляются функционально-стилистические возможности языковых единиц, б) определяются субстанциональные значения.

Так как в каждом отдельном структурном типе (уровне) языковых единиц субстанциональные признаки и качества обусловлены возможностями информативной функции определенного структурного типа, определение субстанционального значения, т.е. языковой нормы и вариативности нормы, рассматривается по отдельным уровням языка.

В автономном уровне фонемы и морфонологии литературная норма и ее вариативности отражаются в различном оформлении одних и тех же звуков - графем. В текстах конца XIX - начала XX вв. в области фонемы продолжала функционировать языковая норма двух неродственных систем: при написании арабо-персидских заимствований сохранялось требование языка источника, а тюрко-татарские слова оформлялись по своим законам. На основе несоблюдения этих нормативов возникали графофонетические и графоморфологические вариативности.

В отличие от гласных фонем, согласные фонемы могли выражать и различные «социальные» информации, они являлись показателями:

а) общетюрского состояния: *аглау, анлар, керпек, тупрак, тулкын* и др.,

б) своеобразия отдельных языковых (огузских и кыпчакских) групп: *бән-мән, вар - бар, улса - булса, таг - тау* и др.,

в) различия языков, относящихся к единой языковой группе: *белән - менән, чэй - сэй, су - һыу* и др.,

г) различия отдельных говоров одного и того же языка: *чэй - тчэй, пычак - пыцак, бозау - посау* и др.

Каждый автор выбирал и употреблял тот или иной вариант сообразно своим целям и требованиям определенных жанро-стилей и характера повествования, таким образом, при употреблении согласных фонем, в отличие от гласных, возникала и функционально-стилистическая вариативность.

В автономном уровне морфологии литературная норма и ее вариативности отражаются в отдельных грамматических категориях, т.е. в оформлении грамматических форм и в определении их грамматических значений.

В категориях числа и принадлежности изучаемого периода продолжала функционировать языковая норма двух неродственных систем: тюрко-татарского и арабско-персидского.

В категориях падежа и в наклонениях глагола продолжала функционировать языковая норма характерная для отдельных групп родственных языков: для языков огузских групп и для языков кыпчакских групп.

Данные литературные нормы имели вариативности нормы на уровне графофонетики - графоморфонологии, которые отражались в различном оформлении тех или иных форм, а также на уровне морфологии, которые отражались в выборочном употреблении разных категориальных значений.

Когда грамматические значения, оформленные морфологическими показателями конкретизировались и со словосочетаниями и аналитическими формами возникала синтаксическая вариативность.

На основе анализа вышеуказанных положений, определилась своеобразная природа татарского литературного языка конца XIX - начала XX вв.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Монографии

1. Сүз белән сурәт ясау (Изображение словом в татарской поэзии) – Казан: Тат.кит.нәшр., 1974. – 175 б.
2. Сәнгатьле чәчмә әсәрләр теле: Татар прозасында хикәяләү стильләренен үсеше һәм аның әсәр теленә тәэсире (Язык художественной прозы: развитие повествовательного стиля в татарской прозе) – Казан: Тат.кит.нәшр., 1979. – 96 б.¹
3. Жидегән чышмә моңы...: Гомәр Бәшировның ижат лабораториясеннән (Мелодия родника: из творческой лаборатории Г.Баширова) – Казан: Тат.кит.нәшр., 1995. – 144 б.
4. Татар әдәби теле тарихы: XIX гасыр ахыры – XX йөз башы әдәби теле: исем категорияләре һәм фигыль наклонениеләрендә әдәби норма, норма вариатлылыгы һәм функциональ-стилистик вариантлылык (Татарский литературный язык конца XIX – начала XX века: литературная норма, вариативность нормы и функционально-стилистическая вариативность в категориях имени существительного и наклонениях глагола). – Казан: КДТУ нәшр., 1999. – 577 б.

Статьи

1. Г.Ибраһимовның «Тирән тамырлар» романында сүз-сурәт. (Слово-образ в романе Г.Ибрагимова «Глубокие корни») // Совет мәктәбе. – 1967. – № 3.
2. Г.Ибраһимовның «Көтүчеләр» хикәясендә сүз-сурәт. (Слово-образ в романе Г.Ибрагимова «Пастухи») // Совет мәктәбе. – 1971. – № 9. – 20-22 б.
3. Язучы – сүз остасы. Писатель-художник слова / Герой. Стил. Осталык. – Казан: Тат.кит.нәшр., 1972. – 218-234 б.
4. Развитие словесно-образной системы художественного произведения в татарской советской литературе и индивидуальное своеобразие писателя /

¹ Рец. Сафиуллина Ф.С. Бәширова И.Б. Сәнгатьле чәчмә әсәрләр теле // Сов. тюркология. 1980. - № 5. – С. 84-85; Газизова Ф. Шигъриятле сүз турында...// Сов. Татарстан. – 1980. – 17 октябрь.

Тезисы докладов конференции по татарскому языкознанию, посвященная 50 летию СССР. – Казань, 1972. – С. 24-25.

5. Традиции книжного, фольклорного стилей и стиля разговорной речи в современной татарской прозе / Тезисы докладов итоговой научной сессии за 1972 год. – Казань, 1973. – С. 27-29.

6. Каюм Насыри. Әнмүзәж. Рецензия // Советская тюркология, 1975. - № 3. - С. 10-107.

7. К.Нәжминев «Язгы жилләр» романының стиль үзенчәлеге (Стилистические особенности романа К.Наджми «Весенние ветры») / Татар теле һәм әдәбияты. Бишенче китап. – Казан, 1976. – 48-58 б.

8. Татар прозасында хикәяләү стилинен үстерелеше (Развитие стиля повествования в татарской прозе) / Татар теле һәм әдәбияты. Алтынчы китап. Казан, 1977. – 37-43 б.

9. Художественно-прозаическая речь Г.Ибрагимова / Писатель. Революционер. Ученый: Материалы научной конференции, посвященной 90 летию Галимджана Ибрагимова. – Казань: Тат.кн.изд., 1980. - С.144-152.

10. Хәзерге татар стилистикасының уңышлары һәм бурычлары (Достижения и задачи современной татарской стилистики) / Актуальные вопросы грамматики и стилистики татарского языка. – Казань, 1981. – 39-46 б.

11. Әдәби әсәрнең телен өйрәнүгә карата. Об изучении языка художественных произведений // Совет мәктәбе. – 1982. – № 7. – 27 б.

12. Художественно-прозаическая речь М.Горького в переводах на татарский язык / Лексика и стилистика татарского языка. – Казань, 1982. – С. 97-101.

13. Г.Коләхметов ижатында ижтимагый-политик терминологиянең кулланылышы (Употребление социально-политической терминологии в творчестве Г.Кулахметова) / Гафур Коләхмәтов. Революционер-язучының 100 еллыгына башланган мәкаләләр җыентыгы. – Казан: Тат.кит.нәшр., 1983. – 124-130 б.

14. Сәнгатьле күзаллауны тәгъбирләү (Художественное восприятие и его словесное выражение) / Исследованию по татарскому языкознанию. – Казань, 1984. – 62-68 б.

15. Әдәби тел һәм матур әдәбият стиле (Литературный язык и стиль художественной литературы) / Татар әдәбияты тарихы. Алты томда, 2 том. XIX йөз татар әдәбияты. – Казан: тат.кит.нәшр., 1985. – 514-541 б. (соавтор В.Х. Хаков).

16. Фигыль байлыгы хакындагы китап (Книга о богатстве татарского глагола. Ред. на монографию Ф.Ю.Юсупова «Неличные формы глагола в татарских диалектах») // Совет мәктәбе. – 1986. – № 7.

17. На путях демократизации литературного языка: стилистически мотивированные и немотивированные варианты лексических единиц в контексте произведений Фатиха Амирхана / Анализы текстов по истории татарского литературного языка. – Казань, 1987. – С. 81-94.

18 На путях демократизации литературного языка: морфологические категории в произведениях Фатиха Амирхана / Истоки татарского литературного языка. – Казань, 1988. – С. 112-116.

19. Фатих Әмирхан прозасының стиль үзенчәлекләре (Стилистические особенности художественной прозы Ф.Амирхана) / Идейно-эстетическое наследие Фатиха Амирхана. Межвузовский сборник научных трудов. – Казань, 1989. – 141-146 б.

*20. Устойчивые общие нормы и индивидуальные особенности в языке татарской художественной прозы начала XX века / Формирование татарского литературного языка. – Казань, 1989. – С. 45-50.

21. Язык художественной прозы Г.Исхаки / (Язык утилитарных и поэтических жанров памятников татарской письменности) – Казань, 1990. – С. 132-139.

22. XIX йөз ахыры татар прозасында әдәби тел нормалары. (Литературные нормы в татарской художественной прозе конца XIX века) / Старотатарский литературный язык: исследования и тексты. – Казань, 1991. – С. 98-105.

23. Әдәби норма һәм вариантлылык: XIX йөз ахыры – XX йөз башы. (Литературная норма и вариативность: конца XIX – начала XX века) / Некоторые итоги и задачи изучения татарского литературного языка. – Казань, 1992. – 59-66 б.

24. XX гасыр башы татар әдәби теле һәм аны өйрәнү ысулларына карата. (Язык художественной литературы в начале XX века и о методах его изучения). – Төркиләрең телләре, рухи мәдәниятләре һәм тарихлары: Традицияләр һәм заман, 1 том. – Казань, 1992. – 141-144 б.

25. Татар теленең кулланылыш даирәсен киңәйтү мәсьәләсенә карата. (К вопросу о расширении функционирования татарского языка) / Межэтнические и межконфессиональные отношения в РТ. – Казань, 1993. Ч. 2. - С. 186-190.

26. Әдипнең дүрт томлыгы: Ф. Әмирханнның сайланма әсәрләре басылып чыгу унае белән (четырехтомник писателя). // Мирас. – 1996. – № 1-2. – 37-41 б.

27. Теленң сакла - дәүләт күресенң ... (Береги свой язык...) / Гуманитарные науки: проблемы и аспекты изучения: Материалы итоговой конференции ТГТИ за 1996. – Казань, 1997. – 6-12 б.

28. XIX гасыр ахыры - XX йөз башы татар әдәби телен өйрәнүнең кайбер нәтижеләре. Некоторые итоги исследования татарского литературного языка в конце XIX – начала XX вв. // Гыйльми азмалар, ТДГИ. – Казан. – 1997. – № 2. – 122-131 б.

29. XIX гасыр ахыры - XX йөз башы татар әдәби теле һәм Г. Исхакий ижаты (Татарский литературный язык конца XIX – начала XX века и творчество Г.Исхаки) // Гыйльми азмалар, ТДГИ. – Казан. – 1998. – № 3. – 63-68 б.

30. Ризәтдин Фәхретдинев һәм татар әдәби теле (Р.Фәхрутдинов и татарский литературный язык) // Гыйльми азмалар, ТДГИ. – Казан. – 1998. – № 4. – 79-93 б.

31. Татар теле: әдәби норма һәм вариантлылык (Татарский язык: литературная норма, вариативность нормы и функционально-стилистическая вариативность) / Проблемы функционирования, диалектологии и истории языка. – Казань, 1998. – 41-52 б.

32. XIX гасыр ахыры – XX йөз башы татар әдәби теле һәм Фатих Кәрим ижаты (Татарский литературный язык конца XIX – начала XX века и творчество Ф.Карими) / Общественное развитие и гуманитарные науки. Ученые записки, ТГТИ, вып. 6. – Казань, 1999. – 43-47 б.

33. Татар теленң функциональ вазифасы: Хәзерге этапта кулланылып даирәсен киңәйтү мәсьәләсенә карата (К вопросу о расширении функционирования татарского языка на современном этапе) / Языковая ситуация в республике Татарстан: состояние и перспективы, часть 2. – Казань, 1999. – 17-21 б.

34. Татар әдәби теленң кулланылышын өйрәнүгә карата (О исследовании функционирования татарского литературного языка) / Материалы итоговой научно-практической конференции за 1999. – Казань: Изд-во ТГТИ, 2000. – 14-15 б.

35. XIX гасыр ахыры – XX йөз башы татар әдәби теле: исем категорияләрендә әдәби норма, норма вариантлылыгы һәм функциональ стилистик вариантлылык (Татарский литературный язык конца XIX – начала XX века: литературная норма, вариативность нормы и функционально-стилистическая вариативность в категориях имени существительного) / Вопросы лингвистической и этнической истории татар. – Казань: Изд-во «Фикер», 2000. – 109-120 б.

Заказ № 177

Тираж 100 экз.

Офсетная лаборатория
Казанского государственного технологического университета

420015, г.Казань, ул. К.Маркса, 68

